

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

СЛАВА
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

Александр Васильев
Слава Византийской империи

«Алисторус»

2013

УДК 94(3)
ББК 63.3

Васильев А. А.

Слава Византийской империи / А. А. Васильев — «Алисторус»,
2013

Книга посвящена истории Византийской империи от эпохи Крестовых походов до завоевания Константинополя османами. Профессор А. А. Васильев (1867–1953), выдающийся русский ученый, чьи труды по истории Византии известны во всем мире от России до США. Общих историй Византии, написанных одним исследователем, крайне мало, и одна из них – труд А. А. Васильева, предлагаемый читателю. Книга написана кратко, четко и доступно, содержит обширный научный аппарат, позволяющий навести справки и осознать проблемы позднего периода византийской истории. Эти бесспорные и очень важные достоинства работы А. А. Васильева обеспечат ей долгую жизнь среди достаточно широкого круга читателей.

УДК 94(3)
ББК 63.3

© Васильев А. А., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Глава 1	5
Комнины и их внешняя политика	5
Алексей I и внешняя политика до Первого крестового похода	9
Борьба империи с турками и печенегами	12
Первый крестовый поход и Византия	17
Внешняя политика при Иоанне II. Расширение контактов с западными странами	34
Внешняя политика Мануила I и Второй крестовый поход	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Александрович Васильев

Слава Византийской империи

Глава 1

Византия и крестоносцы

Комнины и их внешняя политика

Революция 1081 года возвела на престол Алексея Комнина, дядя которого Исаак в течение короткого времени уже был императором в конце пятидесятих годов (1057–1059).

Греческая фамилия Комнинов, упоминаемая в источниках впервые при Василии II, происходила из одной деревни в окрестностях Адрианополя. Позднее, приобретя большие имения в Малой Азии¹, Комнины сделались представителями крупного малоазиатского землевладения. Как Исаак, так и его племянник Алексей выдвинулись благодаря военным талантам. В лице последнего на византийском престоле восторжествовали военная партия и провинциальное крупное землевладение, и вместе с тем закончилось смутное время империи. Первые три Комнина сумели подолгу удержаться на престоле и мирно передавали его от отца к сыну.

Энергичное и умелое правление Алексея I (1081–1118) с честью вывело государство из целого ряда суровых внешних опасностей, грозивших иногда самому существованию империи. Еще задолго до смерти Алексей назначил наследником своего сына Иоанна, чем вызвал большое неудовольствие своей старшей дочери Анне, знаменитого автора «Алексиады», которая, будучи замужем за кесарем Никифором Вриеннием, тоже историком, составила сложный план, как добиться от императора удаления Иоанна и назначения наследником ее супруга. Однако престарелый Алексей остался тверд в своем решении, и после его смерти Иоанн был провозглашен императором.

Вступив на престол, Иоанн II (1118–1143) должен был сразу же пережить тяжелые минуты: был раскрыт заговор против него, во главе которого стояла его сестра Анна и в котором была замешана его мать. Заговор не удался. Иоанн очень милостиво отнесся к виновным, большая часть которых лишилась только имущества. Своими высокими нравственными качествами Иоанн Комнин заслужил всеобщее уважение и получил прозвание Калоиоанна (Калояна), т. е. Хорошего Иоанна. Интересно, что в высокой оценке нравственной личности Иоанна сходятся как греческие, так и латинские писатели. Он был, по словам Никиты Хониата, «венцом всех царей (короли:), которые восседали на римском престоле, из рода Комнинов»². Суровый в оценке византийских деятелей Гиббон писал об этом «лучшем и величайшем из Комнинов», что сам «философ Марк Аврелий не пренебрег бы его безыскусственными доблестями, проистекавшими от сердца, а не заимствованными из школ»³.

Противник ненужной роскоши и излишней расточительности, Иоанн наложил соответствующий отпечаток на свой двор, который при нем жил экономной и строгой жизнью; былых развлечений, веселья и огромных трат при нем не было. Царствование этого милостивого,

¹ См.: E Chalandon. Les Comnènes: Etudes sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. I. Essai sur le regne d'Alexis Ier Comnène. Paris, 1900. P. 21. Недавно была высказана гипотеза о валашском происхождении Комнинов. – G. Murnu. L'origine des Comnènes // Bulletin de la section historique de l'Académie roumaine. Vol. XI, 1924. P. 212–216.

² Nicetas Choniates. Historia / Ed. I. Bekker (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae). Bonn, 1835. P. 64–65. Всюду ниже ссылка дается как – Bonn ed.

³ E. Gibbon. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire / Ed. J. B. Bury. Vol. V. P. 229.

тихого и в высокой степени нравственного государя было, как мы увидим ниже, почти одной сплошной военной кампанией.

Полной противоположностью Иоанну явился его сын и преемник Мануил I (1143–1180). Убежденный поклонник Запада, латинофил, поставивший себе идеалом тип западного рыцаря, стремившийся постигнуть тайны астрологии, новый император сразу совершенно изменил суровую придворную обстановку отца. Веселье, любовь, приемы, роскошные празднества, охота, устраиваемые на западный образец поединки-турниры – все это широкой волной разлилось по Константинополю. Посещения столицы иностранными государями, Конрадом III Германским, Людовиком VII Французским, Кылыч-Арсланом, султаном Иконийским, и различными латинскими князьями Востока, стоили необычайных денег.

Огромное число западноевропейских выходцев появилось при византийском дворе, и в их руки стали переходить наиболее выгодные и ответственные места в империи. Оба раза Мануил был женат на западных принцессах: первой женой его была сестра жены германского государя Конрада III, Берта Зульцбахская, переименованная в Византии в Ирину; второй женой Мануила была дочь антиохийского князя, Мария, по происхождению француженка, замечательная красавица. Все правление Мануила было обусловлено его увлечением западными идеалами, его несбыточной мечтой восстановить единую Римскую империю через отнятие при посредстве папы императорской короны у германского государя и его готовностью заключить унию с западной церковью. Латинское засилье и пренебрежение туземными интересами вызывали в народе общее неудовольствие; настоятельно чувствовалась необходимость в перемене системы. Однако Мануил умер, не увидев крушения своей политики.

Сыну и наследнику Мануила, Алексею II (1180–1183), едва было двенадцать лет. Регентшей была объявлена его мать Мария Антиохийская. Главная власть перешла в руки племянника Мануила протосеаста Алексея Комнина, любимца правительницы. Новое правительство искало опоры в ненавистном латинском элементе. Народное раздражение поэтому росло. На столь популярную раньше императрицу Марию стали смотреть как на «иностранку». Французский историк Диль сравнивает положение Марии с положением в эпоху Великой французской революции Марии-Антуанетты, которую народ называл «австриячкой»⁴.

Против могущественного протосеаста Алексея составила сильная партия, во главе которой встал Андроник Комнин, одна из любопытнейших личностей в летописях византийской истории, интересный тип как для историка, так и для романиста. Андроник, племянник Иоанна II и двоюродный брат Мануила I, принадлежал к младшей, отстраненной от престола линии Комнинов, отличительным признаком которой была необычайная энергия, направляемая иногда по ненадлежащему пути. Эта линия Комнинов в своем третьем поколении дала государей Трапезундской империи, которые известны в истории под названием династии Великих Комнинов. «Князь-изгой» XII века, «будущий Ричард III византийской истории», в душе которого было «нечто похожее на душу Цезаря Борджиа», «Алкивиад средневизантийской империи», Андроник являл собой «законченный тип византийца XII века со всеми его достоинствами и пороками»⁵. Красивый и изящный, атлет и воин, хорошо образованный и обаятельный в общении, особенно с женщинами, которые его обожали, легкомысленный и страстный, скептик и, в случае нужды, обманщик и клятвопреступник, честолюбивый заговорщик и интриган, в старости страшный своей жестокостью, Андроник, по мнению Дилия, был той гени-

⁴ Ch. Diehl. *Figures byzantines*. Vol. II. Paris, 1909. P. 112. Русский перевод: *Византийские портреты* / Пер. М. Безобразовой. М., 1914. Т. 2. С. 125.

⁵ В.Г. Васильевский. *Союз двух империй*. В кн.: *Славянский сборник*. Т. 2. СПб., 1877. С. 255–257. То же в трудах В.Г. Васильевского: т. 4. Л., 1930, с. 68–70; Ch. Diehl. *Figures byzantines*. Vol. II. P. 90, 93. Русский перевод: с. 100, 104; R. von Scala. *Das Griechentum seit Alexander dem Grossen*, in: H.F. Helmolt. *Weltgeschichte*. Bd. V. Leipzig, Wien, 1905. S. 95.

альной натурой, которая могла бы создать из него спасителя и возродителя изнуренной Византийской империи, для чего ему, может быть, недоставало немного нравственного чувства⁶.

Современный Андронику источник (Никита Хониат) писал о нем: «Кто родился из столь крепкой скалы, чтобы быть в состоянии не поддаться потокам слез Андроника и не быть очарованным вкрадчивостью речей, которые он изливал наподобие темного источника». Тот же историк в другом месте сравнивает Андроника с «многообразным Протеем»⁷, старцем-прорицателем древней мифологии, известным своими превращениями.

Находясь, несмотря на внешнюю дружбу с Мануилом, у него на подозрении и не находя себе деятельности в Византии, Андроник большую часть царствования Мануила провел в скитаниях по различным странам Европы и Азии. Будучи отправлен императором сначала в Киликию, а затем к границам Венгрии, Андроник, обвиненный в политической измене и в покушении на жизнь Мануила, был заключен в константинопольскую тюрьму, где провел несколько лет и откуда после ряда необычайных приключений ему по заброшенной водосточной трубе удалось бежать для того, чтобы снова быть пойманным и заключенным еще на несколько лет в темницу. Снова бежав из заключения на север, Андроник нашел убежище на Руси, у князя Галицкого Ярослава Владимировича. Русская летопись отмечает под 1165 годом: «Прибеже ис Царягорода братан царев кюр (т. е. кир – господин) Андроник к Ярославу у Галич и прия и Ярослав с великой любовью, и да ему Ярослав неколико городов на утешение»⁸. По сведениям византийских источников, Андроник встретил у Ярослава радушный прием, жил в его доме, ел и охотился с ним вместе и даже участвовал в его советах с боярами⁹. Однако пребывание Андроника при дворе Галицкого князя казалось опасным Мануилу, так как беспокойный родственник последнего уже вступал в сношения с Венгрией, с которой у Византии начиналась война. Мануил в таких обстоятельствах решил простить Андроника, который «с великой честью», по словам русской летописи¹⁰, был отпущен Ярославом из Галиции в Константинополь.

Получив в управление Киликию, Андроник недолго пробыл на новом месте. Через Антиохию он прибыл в Палестину, где у него разыгрался серьезный роман с Феодорой, родственницей Мануила и вдовой Иерусалимского короля. Разгневанный император отдал приказ ослепить Андроника, который, будучи вовремя предупрежден об опасности, бежал с Феодорой за границу и в течение нескольких лет скитался по Сирии, Месопотамии, Армении, пробыв некоторое время даже в далекой Иверии (Грузии).

Наконец посланцам Мануила удалось захватить страстно любимую Андроником Феодору с их детьми, после чего он сам, не будучи в состоянии перенести этой потери, обратился с просьбой о прощении к императору. Прощение было дано, и Андроник принес Мануилу полное раскаяние в поступках своей прошлой бурной жизни. Назначение Андроника правителем малоазиатской области Понта, на побережье Черного моря, явилось как бы почетным изгнанием опасного родственника. В это время, а именно в 1180 году, умер, как известно, Мануил, после которого императором сделался малолетний сын его Алексей II. Андронику тогда было уже шестьдесят лет.

Такова была в главных чертах биография лица, на которое население столицы, раздраженное латинофильской политикой правительницы Марии Антиохийской и ее любимца Алексея Комнина, возлагало все свои надежды. Очень искусно выставляя себя защитником поправленного права малолетнего Алексея II, попавшего в руки злых правителей, и другом ромеев

⁶ Ch. Diehl. *Figures byzantines*. Vol. II. P. 93; L. Bréhier. *Andronic (Comnène)* // *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*. Vol. II. P. 1782.

⁷ Nicetas Choniates. *Historia*. Bonn ed. P. 317, 319.

⁸ Ипатьевская летопись под 6673 годом (изд. Археограф, комм.). С. 359. Или Воскресенская летопись под тем же годом (Поли. собр. русск. летописей. Т. VII. С. 78).

⁹ Ioannis Cinnami *Historia*. Bonn ed. P. 232; Nicetas Choniates. *Historia*. Bonn ed. P. 172.

¹⁰ Ипатьевская летопись или Воскресенская летопись.

(φιλορῳμαιοῦς), Андроник сумел привлечь к себе сердца измученного населения, которое его боготворило. По словам одного современника (Евстафия Солунского), Андроник «для большинства был дороже самого Бога» или по крайней мере «тотчас следовал за Ним»¹¹.

Подготовив в столице надлежащую обстановку, Андроник двинулся к Константинополю. При известии о движении Андроника многочисленная столичная толпа дала волю своей ненависти по отношению к латинянам: она с остервенением набросилась на латинские жилища и начала избиение латинян, не различая пола и возраста; опьяненная толпа громила не только частные дома, но и латинские церкви и благотворительные учреждения; в одной больнице были перебиты лежавшие в постелях больные; папский посол после поругания был обезглавлен; много латинян было продано в рабство на турецких рынках. Этим избиением латинян 1182 года, по словам Ф.И. Успенского, «действительно, если не посеяно, то полито зерно фанатической вражды Запада к Востоку»¹². Всесильный правитель Алексей Комнин был заточен в темницу и ослеплен. После этого Андроник совершил торжественный въезд в столицу. Для укрепления своего положения он начал постепенно уничтожать родственников Мануила и велел задушить императрицу-мать Марию Антиохийскую. Затем, заставив провозгласить себя соимператором и дав при ликовании народа торжественное обещание охранять жизнь императора Алексея, он несколько дней спустя отдал распоряжение тайно его задушить. После этого, в 1183 году, Андроник, шестидесяти трех лет от роду, сделался полновластным императором ромеев.

Появившись на престоле с задачами, о которых речь будет ниже, Андроник мог поддерживать свою власть лишь путем террора и неслыханных жестокостей, на что и было направлено все внимание императора. Во внешних делах он не проявил ни силы, ни инициативы. Настроение народа изменилось не в пользу Андроника; недовольство росло. В 1185 году вспыхнула революция, возведшая на престол Исаака Ангела. Попытка Андроника бежать не удалась. Он подвергся страшным мучениям и оскорблениям, которые перенес с необыкновенной стойкостью. Во время своих нечеловеческих страданий он лишь повторял: «Господи, помилуй! Зачем вы сокрушаете сломанный тростник?»¹³. Новый император не позволил, чтобы растерзанные останки Андроника удостоились хоть какого-либо погребения. Такой трагедией закончила свое существование последняя славная на византийском престоле династия Комнинов.

¹¹ Eustathii De Thessalonica a Latinis capta. Bonn ed. 1842. P. 338.

¹² И. Успенский. Царь Алексей II и Андроник Комнин // ЖМНП. Т. ССХIV. 1881. С. 73; Ф.И. Успенский. Последние Комнины. Начало реакции // Византийский временник. Т. 25. 1927–1928. С. 14.

¹³ Nicetas Choniates. Historia. Bonn ed. P. 458. Многочисленные источники о смерти Андроника проанализированы в: N. Radojčić. Dva posljednja Komnena na carigradskom prijestolu. Zagreb, 1907. P. 94, note 1.

Алексей I и внешняя политика до Первого крестового похода

По словам Анны Комнины, образованной и литературно одаренной дочери нового императора Алексея, последний в первое время после своего вступления на престол, ввиду турецкой опасности с востока и норманнской с запада, «замечал, что царство его находится в предсмертной агонии»¹⁴. Действительно, внешнее положение империи было очень тяжелым и с годами становилось еще более затруднительным и сложным.

Норманнская война

Герцог Апулии Роберт Гвискар, покончив с завоеванием византийских южноитальянских владений, имел гораздо более широкие замыслы. Желая нанести удар в самое сердце Византии, он перенес военные действия на Адриатическое побережье Балканского полуострова. Оставив управление Апулией старшему сыну Рожеру, Роберт с младшим сыном Боэмундом, известным впоследствии деятелем Первого крестового похода, располагая уже значительным флотом, выступил в поход против Алексея, имея ближайшей целью приморский город в Иллирии Диррахий (прежний Эпидамн; по-славянски Драч; теперь Дураццо). Диррахий, главный город одноименной образованной при Василии II Болгаробойце фемы-дуката, т. е. области с дукой во главе управления, прекрасно укрепленный, по справедливости считался ключом к империи на западе. От Диррахия начиналась построенная еще в римское время известная военная Эгнатиева дорога (via Egnatia), шедшая на Солунь и дальше на восток к Константинополю. Поэтому вполне естественно, что главное внимание было направлено Робертом на этот пункт. Эта экспедиция была «прелюдией крестовых походов и подготовкой для франкского господства в Греции»¹⁵. «Пред крестовый поход Роберта Гвискар а был его самой большой войной против Алексея Комнина»¹⁶.

Алексей Комнин, чувствуя невозможность одними своими силами справиться с норманнской опасностью, обратился за помощью на Запад, между прочим, к германскому государю Генриху IV. Но последний, испытывая в это время затруднения внутри государства и не закончив еще своей борьбы с папой Григорием VII, не мог быть полезным византийскому императору. Отозвалась на призыв Алексея Венеция, преследовавшая, конечно, собственные цели и интересы. Император обещал Республике святого Марка за оказанную помощь флотом, которого у Византии было мало, обширные торговые привилегии, о чем речь будет ниже. В интересах Венеции было помочь восточному императору против норманнов, которые в случае успеха могли захватить торговые пути с Византией и Востоком, которые венецианцы надеялись сами со временем получить в свои руки. Кроме того, для Венеции была налицо и непосредственная опасность: норманны, завладевшие Ионическими островами, особенно Корфу и Кефалонией, и западным побережьем Балканского полуострова, закрыли бы для венецианских судов Адриатическое море.

Норманны, завоевав остров Корфу, осадили Диррахий с суши и с моря. Хотя подошедшие венецианские корабли освободили осажденный город со стороны моря, но прибывшее во главе с Алексеем сухопутное войско, в состав которого входили македонские славяне, турки, варяго-английская дружина и некоторые другие народности, потерпело сильное поражение. В

¹⁴ Anna Comnena. Alexias. III, 9.

¹⁵ K. Hopf. Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. Leipzig, 1867. Bd. I. S. 141.

¹⁶ H. Grégoire, R. de Keyser. La Chanson de Roland et Byzance ou de l'utilité du grec pour les romanistes // Byzantion. Vol. XIV. 1939. R 274.

начале 1082 года Диррахий отворил ворота Роберту. Однако на этот раз вспыхнувшее восстание в Южной Италии заставило Роберта удалиться с Балканского полуострова, где оставшийся Боэмунд после нескольких успехов был в конце концов побежден¹⁷. Предпринятый Робертом новый поход против Византии окончился также неудачей. Среди его войска открылась какая-то эпидемия, жертвой которой пал и сам Роберт Гвискар, умерший в 1085 году на острове Кефалонии, о чем до сих пор еще напоминает своим названием небольшая бухта и деревня у северной оконечности острова Фискаардо (Гвискардо, от прозвания Роберта – Гвискар, Guiscard). Со смертью Роберта норманнское нашествие в византийские пределы прекратилось, и Диррахий снова перешел к грекам¹⁸.

Отсюда видно, что наступательная политика Роберта Гвискара а на Балканском полуострове потерпела неудачу. Но зато вопрос о южноитальянских владениях Византии был при нем решен окончательно. Роберт основал итальянское государство норманнов, так как ему первому удалось соединить в одно целое различные графства, основанные его соплеменниками, и образовать Апулийское герцогство, пережившее при нем свой блестящий период. Наступивший после смерти Роберта упадок герцогства продолжался около пятидесяти лет, когда основание Сицилийского королевства открыло новую эру в истории итальянских норманнов. Однако Роберт Гвискар, по словам Шаландона, «открыл для честолюбия своих потомков новую дорогу: с тех пор итальянские норманны будут обращать свои взоры к востоку: за счет греческой империи Боэмунд, двенадцать лет спустя, задумает создать для себя княжество»¹⁹.

Венеция, оказавшая помощь флотом Алексею Комнину, получила от императора громадные торговые привилегии, которые создали для Республики святого Марка совершенно исключительное положение. Помимо великолепных подарков венецианским церквям и почетных титулов с определенным содержанием дожу и венецианскому патриарху с их преемниками императорская грамота Алексея, или хрисовул, как назывались в Византии грамоты с золотой императорской печатью, предоставляла венецианским купцам право купли и продажи на всем протяжении империи и освобождала их от всяких таможенных, портовых и других связанных с торговлей сборов; византийские чиновники не могли осматривать их товары. В самой столице венецианцы получили целый квартал с многочисленными лавками и амбарами и три морских пристани, которые назывались на Востоке скалами (*maritimas tres scalas*), где венецианские суда могли свободно грузиться и разгружаться. Хрисовул Алексея дает любопытный список наиболее важных в торговом отношении византийских пунктов, приморских и внутренних, открытых для Венеции, в Северной Сирии, Малой Азии, на Балканском полуострове и Греции, на островах, кончая Константинополем, который в документе назван Мегалополис, т. е. «Великий город». В свою очередь венецианцы пообещали быть верными подданными империи²⁰.

Дарованные венецианским купцам льготы ставили их в более благоприятное положение, чем самих византийцев. Хрисовулом Алексея Комнина было положено твердое основание колониальному могуществу Венеции на Востоке и созданы такие условия для ее экономического преобладания в Византии, которые, казалось, должны были на долгое время сделать невозможным появление других конкурентов в данной области. Однако эти же исключительные экономические привилегии, дарованные Венеции, послужили впоследствии, при изменив-

¹⁷ См.: R.V. Yewdale. Bohemund I, Prince of Antioch. Princeton, 1924. P. 18–22.

¹⁸ F. Chalandon. Les Comnène... Vol. I. P. 64–92; Idem. The Earlier Comneni. Cambridge Medieval History. Vol. IV. P. 329–330. Место смерти Роберта Гвискара точно не установлено. Шаландон (Les Comnène... Vol. I. P. 93, note 9) и Йудейл (Bohemund I... P. 23) пишут, что Гвискар умер в Кассиопе на Корфу.

¹⁹ Idem. Les Comnène... P. 94.

²⁰ См.: G.F.L. Tafel, G.M. Thomas. Urkunden zur altern Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig. (Fontes rerum austriacarum. Diplomata et acta, XII–XIV). Wien. Bd. 1. 1856. S. 51–54; F. Dölger. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neuern Zeit. Bd. I (1). Munchen, Berlin, 1924. S. 27–28. Работа содержит очень хорошую библиографию.

шихся обстоятельствах, одной из причин политических столкновений Восточной империи с Республикой святого Марка.

Борьба империи с турками и печенегами

Турецкая опасность с востока и севера, т. е. со стороны сельджуков и печенегов, столь грозная при предшественниках Алексея Комнина, еще более усилилась и обострилась при нем. Если победа над норманнами и смерть Гвискара позволили Алексею вернуть византийскую территорию на западе до Адриатического побережья, то на других границах из-за нападений турок и печенегов империя значительно уменьшилась в своих размерах. Анна Комнина пишет, что «в то время, о котором идет речь, восточную границу Ромейского владычества образовывал соседний Босфор, западную – Адрианополь»²¹.

Казалось, что в Малой Азии, почти целиком завоеванной сельджуками, обстоятельства складывались благоприятно для империи, так как среди малоазиатских турецких правителей (эмиров) шла междоусобная борьба за власть, что ослабляло турецкие силы и приводило страну в состояние анархии. Но Алексей не мог направить всего своего внимания на борьбу с турками ввиду нападений на империю с севера печенегов.

Последние в своих действиях против Византии нашли союзников внутри империи в лице живших на Балканском полуострове павликиан. Павликиане представляли собой восточную дуалистическую религиозную секту, одну из главных отраслей манихейства, основанную в III веке Павлом Самосатским и преобразованную в VII веке. Живя в Малой Азии, на восточной границе империи, и твердо отстаивая свое вероучение, они были вместе с тем прекрасными воинами, доставлявшими немало хлопот византийскому правительству. Как известно, одним из излюбленных приемов византийского правительства было переселение различных народностей из одних областей в другие, например, славян в Малую Азию, а армян на Балканский полуостров. Подобная судьба постигла и павликиан, которые в большом количестве были переселены с восточной границы во Фракию в VIII веке Константином V Копронимом и в X веке Иоанном Цимисхием. Центром павликианства на Балканском полуострове сделался город Филиппополь. Поселив восточную колонию в окрестностях этого города, Цимисхий, с одной стороны, достиг удаления упорных сектантов из их укрепленных городов и замков на восточной границе, где с ними трудно было справляться; а с другой стороны, он рассчитывал, что на месте нового поселения павликиане будут служить крепким оплотом против частых нападений на Фракию северных «скифских» варваров. В X же веке павликианство распространилось по Болгарии благодаря преобразователю этого учения попу Богомилу, по имени которого византийские писатели называют его последователей богомилами. Из Болгарии богомилство позднее перешло в Сербию и Боснию, а затем и в Западную Европу, где последователи восточного дуалистического учения носили различные названия: патарены в Италии, катары в Германии и Италии, побликаны (т. е. павликиане) и альбигойцы во Франции и т. д.

Византийское правительство, однако, ошиблось в своих расчетах на роль поселенных на Балканском полуострове восточных сектантов. Во-первых, оно не предполагало возможности быстрого и широкого распространения ереси, что на самом деле случилось. Во-вторых, богомилство сделалось выразителем национальной славянской и политической оппозиции против тяжелого византийского управления в церковной и светской областях, особенно в пределах покоренной при Василии II Болгарии. Поэтому вместо того, чтобы защищать византийские пределы от северных варваров, богомилы призывали печенегов для борьбы против Византии. К печенегам присоединились куманы (половцы).

Борьба с печенегами, несмотря на временные удачи, была очень тяжела для Византии. В конце восьмидесятых годов Алексей Комнин потерпел у Дристра (Силистрии), на Нижнем Дунае, страшное поражение и сам едва спасся от плена. Только раздоры из-за дележа добычи,

²¹ Анна Комнина. Алексиада. VI, 11. С. 196.

возникшие между печенегами и куманами, не позволили первым на этот раз вполне использовать свою победу.

После короткого отдыха, купленного у печенегов, Византия должна была пережить ужасное время 1090–1091 годов. Вторгшиеся снова печенеги после упорной борьбы дошли до стен Константинополя. Анна Комнина рассказывает, что в день празднования памяти мученика Феодора Тирона жители столицы, посещавшие обычно в огромном количестве находившийся в предместье за городской стеной храм мученика, не могли сделать этого в 1091 году, так как нельзя было открыть городских ворот из-за стоявших под стенами печенегов²².

Положение империи сделалось еще более критическим, когда с юга стал грозить столице турецкий пират Чаха, проведенный молодые годы в Константинополе при дворе Никифора Вотаниата, пожалованный византийским чином и бежавший в Малую Азию при вступлении на престол Алексея Комнина. Овладев Смирной и некоторыми другими городами западного побережья Малой Азии и островами Эгейского моря при помощи созданного им флота, Чаха задумал нанести удар Константинополю с моря, отрезав таким образом для него пути к пропитанию. Но желая, чтоб задуманный им удар был действительнее, он вступил в сношения с печенегами на севере и с малоазиатскими сельджуками на востоке. Уверенный в успехе своего предприятия, Чаха уже заранее называл себя императором (василевсом), украшал себя знаками императорского достоинства и мечтал сделать Константинополь центром своего государства. Не надо упускать из виду и того, что как печенеги, так и сельджуки были турками, пришедшими благодаря сношениям к осознанию своего родства. В лице Чахи для Византии явился враг, который, по словам В.Г. Васильевского, «с предприимчивой смелостью варвара соединял тонкость византийского образования и отличное знание всех политических отношений тогдашней Восточной Европы, который задумал сделаться душой общего турецкого движения, который хотел и мог дать бессмысленным печенежским блужданиям и разбоям разумную и определенную цель и общий план»²³. Казалось, что на развалинах Восточной империи должно было основаться турецкое сельджукско-печенежское царство. Византийская империя, по выражению того же В.Г. Васильевского, «тонула в турецком нападении»²⁴. Другой русский византист, Ф.И. Успенский, так пишет о данном моменте: «Положение Алексея Комнина в зиму 1090–1091 года может быть сравнимо разве с последними годами империи, когда османские турки окружили Константинополь со всех сторон и отрезали его от внешних сношений»²⁵.

Алексей понимал весь ужас положения империи и, следуя обычной византийской дипломатической тактике настраивать одних варваров против других, обратился к половецким ханам, этим «союзникам отчаяния», которых просил помочь ему против печенегов. Хорошо известные русской летописи дикие и суровые половецкие ханы Тугоркан и Боняк²⁶ были приглашены в Константинополь, где встретили самый льстивый прием и получили роскошную трапезу. Византийский император униженно просил о помощи варваров, державших себя с императором панибратски. Дав Алексею слово, половцы сдержали его. 29 апреля 1091 года произошла кровопролитная битва, в которой вместе с половцами, вероятно, участвовали и русские. Печенеги были разгромлены и беспощадно истреблены. По этому поводу Анна Комнина замечает: «Можно было видеть необычайное зрелище: целый народ, считавшийся не десятками тысяч, но превышавший всякое число, с женами и детьми, целиком погиб в этот день».

²² Анна Комнина. *Алексиада*. VIII, 3. С. 231.

²³ В.Г. Васильевский. *Византия и печенеги* // Труды. Т. 1. С. 76. О Чахе есть турецкая монография: Akdes Nimet Kurat. (Jaka.

²⁴ В.Г. Васильевский. Там же. С. 77.

²⁵ Ф.И. Успенский. *История крестовых походов*. СПб., 1900. С. 8.

²⁶ Анна Комнина. *Алексиада*. VIII, 4. *И Тоуртак, И Мсхви&k*. См. также по этому вопросу: В.Г. Васильевский. *Византия и печенеги* // Труды. Т. 1. С. 98, прим. 2.

Только что упомянутое сражение нашло отражение в сложной тогда византийской песне: «Из-за одного дня скифы (так Анна Комнина называет печенегов) не увидели мая»²⁷.

Своим вмешательством в пользу Византии половцы оказали огромную услугу христианскому миру. «Их предводители, – по словам историка, – Боняк и Тугоркан должны быть по справедливости названы спасителями Византийской империи»²⁸.

Алексей с торжеством возвратился в столицу. Лишь небольшая часть пленных печенегов не были перебиты, и эти остатки столь страшной орды были поселены на восток от реки Вардара и вошли позднее в ряды византийской армии, где составляли особый род войска. Печенеги же, успевшие спастись от истребления за Балканы, были настолько ослаблены, что в течение тридцати лет не предпринимали ничего в Византии.

Страшный для Византии Чаха, не успевший своим флотом помочь печенегам, потерял часть завоеваний в столкновении с греческими морскими силами. А затем император сумел возбудить против него никейского султана, который, пригласив Чаху на пир, собственноручно убил его, после чего вступил в мирное соглашение с Алексеем. Так счастливо для Византии разрешилось критическое положение 1091 года, и следующий, 1092 год протекал для империи уже в совершенно изменившейся обстановке.

В страшные дни 1091 года Алексей искал себе союзников не только в лице варварских половцев, но и среди людей латинского Запада. Анна Комнина пишет: «Он приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемное войско»²⁹. То, что такие послания были отправлены на Запад, видно и из другого пассажа того же автора, которая пишет, что вскоре Алексей получил «наемное войско из Рима».

В связи с изложенными событиями историками разбирается обыкновенно известное в литературе послание Алексея Комнина к его старому знакомому, проезжавшему за несколько лет перед тем из Святой земли через Константинополь, графу Роберту Фландрскому.

В этом послании император рисует отчаянное положение «святейшей империи греческих христиан, сильно утесняемой печенегами и турками», говорит об убийствах и поруганиях христиан, детей, юношей, жен и дев, о том, что почти вся территория империи занята уже врагами; «остался почти лишь один Константинополь, который враги угрожают в ближайшем времени у нас отнять, если к нам не подоспеет быстрая помощь Божия и верных христиан латинских»; император «бежит перед лицом турок и печенегов» из одного города в другой и предпочитает отдать Константинополь в руки латинян, чем язычников. Послание для возбуждения ревности латинян перечисляет длинный ряд святынь, хранящихся в столице, и напоминает о накопленных в ней бесчисленных богатствах и драгоценностях. «Итак, спешите со всем народом вашим, напрягите все ваши силы на то, чтобы такие сокровища не попали в руки турок и печенегов... Действуйте, пока имеете время, дабы христианское царство и, что еще важнее, Гроб Господень не были для вас потеряны и дабы вы могли получить не осуждение, но награду на небеси. Аминь!»³⁰.

В.Г. Васильевский, относивший это послание к 1091 году, писал: «В 1091 году с берегов Босфора донесся до Западной Европы прямой вопль отчаяния, настоящий крик утопающего, который уже не может различать, дружеская или неприязненная рука протянется для его спасения. Византийский император не усомнился теперь раскрыть перед глазами посторонних

²⁷ Анна Комнина. *Алексиада*. VIII, 5. С. 236–238.

²⁸ В.Г. Васильевский. *Византия и печенеги* // Труды. Т. 1. С. 107.

²⁹ Анна Комнина. *Алексиада*. VIII, 3. С. 232.

³⁰ RE. Riant. Alexii I Comneni ad Robertum I Flandriae comitem epistola spuria. Geneva, 1879. 10–20; H. Hagenmeyer. Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088–1100. Innsbruck, 1901. S. 130–136; F. Dölger. Corpus der griechischen Urkunden. Bd. II. S. 39–40 (n. 1152).

всю ту бездну стыда, позора и унижения, в которую была низвергнута империя греческих христиан»³¹.

Этот документ, рисуемый в столь ярких красках критическое положение Византии около 1090 года, вызвал целую литературу. Дело в том, что он дошел до нас лишь в латинской редакции. Мнения ученых разделились: в то время как одни ученые, и между ними русские ученые В.Г. Васильевский и Ф.И. Успенский, считают послание подлинным, другие (из более новых – француз Риан) считают его подложным. Новейшие историки, занимавшиеся данным вопросом, склоняются с некоторыми ограничениями к подлинности послания, т. е. признают существование не дошедшего до нас оригинала послания, адресованного Алексеем Комнином Роберту Фландрскому. Французский историк Шаландон признает, что средняя часть послания была составлена при помощи оригинального письма; дошедшее же до нас латинское послание в целом было составлено кем-нибудь на Западе для возбуждения крестоносцев незадолго до Первого похода (в виде *excitatorium*, т. е. ободрительного послания)³². В существенных чертах соглашается с мнением В.Г. Васильевского относительно подлинности послания и позднейший издатель и исследователь последнего немецкий ученый Гагенмейер³³. В 1924 году Б. Лейб писал, что это письмо является не чем иным, как преувеличением (*amplification*), сделанным вскоре после собора в Клермоне на основе бесспорно подлинного послания, которое послал император Роберту с целью напомнить об обещанных подкреплениях³⁴. Наконец, в 1928 г. Л. Брейе писал: «Возможно, если следовать гипотезе Шаландона, что, прибыв во Фландрию, Роберт забыл о своих обещаниях, Алексей тогда послал к нему посольство и письмо с текстом, конечно, полностью отличным от того, который дошел до нас. Что же касается этого апокрифического письма, то оно могло быть составлено с помощью подлинного, в момент осады Антиохии, в 1098 году, чтобы попросить поддержки на Западе. Письмо Алексея не имеет, таким образом, ничего общего с предысторией Крестового похода»³⁵. В своей истории Первого крестового похода Х. Зибель рассматривал письмо Алексея Роберту Фландрскому как официальный документальный источник, имеющий отношение к крестовому походу³⁶.

Я остановился несколько подробнее на вопросе о послании Алексея Комнина к Роберту Фландрскому, так как с ним связан отчасти важный вопрос о том, призывал ли император Запад к крестовому походу или нет, о чем будет сказано ниже. Во всяком случае, исходя из точного указания современницы Анны Комнины о том, что Алексей отправлял послания на Запад, мы можем признавать и факт отправления им послания к Роберту Фландрскому, легшего в основу разукрашенного дошедшего до нас латинского текста. Очень вероятно, что это послание Алексея было отправлено именно в критический для Византии 1091 год³⁷. Весьма

³¹ В.Г. Васильевский. Византия и печенеги // Труды. Т. 1. С. 90.

³² E Chalandon. *Les Comnène...* VoL I, appendice. R 325–336, в особенности – р. 331, 334 и 336. Он же излагает историю этого письма и проблемы, связанные с его интерпретацией.

³³ H. Hagenmeyer. *Der Brief des Kaisers Alexios I Komnenos an den Grafen Robert I von Flandern* // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. VI. 1897. S. 26; H. Hagenmeyer. *Die Kreuz-zugsbriefe aus den Jahren 1088–1100*. S. 38–40. См. также: H. Pirenne. *A propos de la lettre d'Alexis Comnène a Robert le Frison, comte de Flandre* // *Revue de Finstruction publique en Belgique*. Vol. L. 1907. P. 217–227; G. Caro. *Die Berichterstattung auf dem ersten Kreuzzuge* // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum*. Bd. XXIX. 1912. S. 50–62.

³⁴ B. Leib. *Rome, Kiev et Byzance a la fin du XIe siècle*. Paris, 1924. P. 122. Издание содержит краткий французский перевод письма: р. 188–189.

³⁵ L. Bréhier. *EEglise et FOrient du Moyen Age; Les Croisades*. Paris, 1928. P. 58; H. I4op-ra (*Essai de Synthèse de Fhistoire de Fhumanite*. Vol. II. *Histoire du moyen age*. Paris, 1927. P. 276–277) отказывает этому письму в каком-либо историческом значении. G. Buckler. (*Anna Comnena. A Study*. Oxford, London, 1929. P. 457, note 1) объявляет это письмо если не полностью, то большей частью подложным. См. также: C. Erdmann. *Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens*. Stuttgart, 1935. S. 365. Он объявлял письмо по меньшей мере интересным, вне зависимости от того, был подлинный прототип у фальсифицированного текста или нет.

³⁶ H. Sybel. *Geschichte des ersten Kreuzzuges*. Leipzig, 1881. S. 7–9. (См. также более новый обзор точек зрения: Анна Комнина. *Алексиада*. Прим. 777, с. 53–36; прим. 970, с. 55–59.)

³⁷ E Dölger. *Corpus der griechischen Urkunden*. Bd. II. S. 39 (no. 1152). Исследователь относит это письмо к 1088 г.

также возможно, что в 1088–1089 гг. послание императора было послано хорватскому королю Звонимиру с просьбой принять участие в борьбе Алексея «против язычников и неверных»³⁸.

Успех в отношении внешних врагов сопровождался таким же успехом по отношению к врагам внутренним. Заговорщики и претенденты, хотевшие в своих выгодах воспользоваться затруднительным положением государства, были разоблачены и наказаны.

Еще до времени Первого крестового похода кроме выше упомянутых народов при Алексее Комнине стали играть уже некоторую роль сербы и мадьяры. Во второй половине XI века Сербия добилась независимости, которая была оформлена принятием сербским князем титула короля (краля). Это было первое сербское королевство со столицей в Шкодре (Шкодер, Скадар, Скутари). Сербы участвовали в войске Алексея во время уже известной нам войны его с норманнами, но покинули императора в опасный момент. После же возвращения Византией от норманнов Диррахия у Алексея с Сербией начались враждебные действия, которые, ввиду рассказанных уже тяжелых условий для империи, не могли быть особенно успешными для императора. Однако незадолго до крестового похода между сербами и империей был заключен мир.

Отношения с Венгрией (Угрией), которая принимала еще раньше деятельное участие в болгаро-византийской борьбе X века при Симеоне, также несколько осложнились во время Алексея Комнина из-за того, что в конце XI века континентальная Венгрия при государях из династии Арпадов стала стремиться на юг, к морю, а именно к побережью Далмации, что вызывало недовольство как со стороны Венеции, так и со стороны Византии.

Итак, международная политика империи ко времени Первого крестового похода сильно разрослась и усложнилась и ставила государству новые задачи.

Однако к середине девяностых годов XI века Алексей Комнин, освободившийся от многочисленных грозивших империи опасностей и создавший, казалось, для государства условия мирной жизни, мог постепенно собраться с силами для борьбы с восточными сельджуками. Для этой цели императором были предприняты ряд оборонительных работ.

Но в это время Алексей Комнин услышал о приближении к границам своего государства первых крестоносных отрядов. Начинался Первый крестовый поход, изменивший планы Алексея и направивший его и империю по новому, сделавшемуся позднее роковым для Византии пути.

³⁸ E Sisic. Geschichte der Kroaten. Zagreb. Bd. 1.1917. S. 31–16.

Первый крестовый поход и Византия

Эпоха Крестовых походов является одной из наиболее важных в мировой истории, особенно с точки зрения экономической истории и культуры в целом. Длительное время религиозные проблемы заслоняли другие стороны этого сложного и разнородного движения. Первой страной, где была полностью осознана значимость крестовых походов, была Франция, где в 1806 году Французская академия и затем Национальный институт учредили специальную премию за лучшую работу на тему: «О влиянии крестовых походов на гражданскую свободу европейских народов, их цивилизацию и прогресс науки, торговли и промышленности». Конечно, в начале XIX века было еще преждевременно обсуждать эту проблему всесторонне. Она и теперь еще не решена. Однако важно отметить, что с этого момента о крестовых походах перестали говорить исключительно с религиозной точки зрения. Две работы были отмечены Французской академией в 1808 году. Одна из них – исследование немецкого ученого А. Херена (А. Неегел), опубликованное одновременно на немецком и французском под заголовком «Исследование о влиянии крестовых походов на Европу», вторая – работа французского автора Шуазель-Делькура – «О влиянии крестовых походов на состояние европейских народов». Хотя с современной точки зрения обе они устарели, эти книги представляют интерес, особенно первая.

Крестовые походы были, конечно, самой важной эпохой в истории борьбы двух мировых религий – христианства и ислама – борьбы, тянувшейся с VII века. В этом историческом процессе играли роль не только одни религиозные мотивы. Уже в Первом крестовом походе, наиболее сильно отразившем в себе идею крестоносного движения за освобождение святых мест из рук неверных, можно отметить мирские цели и земные интересы. «Среди рыцарей было две партии – партия религиозно настроенных (the religious minded) и партия политиков»³⁹. Цитируя эти слова немецкого ученого Б. Куглера, французский ученый Ф. Шаландон добавляет: «Это утверждение Куглера совершенно верно»⁴⁰. Однако чем более внимательно историки изучают внутренние условия жизни Западной Европы в XI веке, в особенности экономическое развитие итальянских городов этого времени, тем более они убеждаются, что экономические явления также сыграли весьма значительную роль в подготовке и проведении Первого крестового похода. С каждым новым крестовым походом эта мирская струя пробивалась в них все сильнее, чтобы одержать наконец окончательную победу над первоначальной идеей движения во время Четвертого крестового похода, когда крестоносцы взяли Константинополь и основали Латинскую империю.

Византия играла настолько важную роль в данной эпохе, что изучение Восточной империи совершенно необходимо для более глубокого и всестороннего понимания как генезиса, так и самого хода развития крестовых походов. Более того, большинство исследователей, которые изучали крестовые походы, рассматривали проблему с излишне «западной» точки зрения, с тенденцией сделать из Греческой империи «козла отпущения всех ошибок крестоносцев»⁴¹.

Со времени своего первого выступления на арене всемирной истории в тридцатых годах VII века арабы, как известно, с поразительной быстротой завоевали Сирию, Палестину, Месопотамию, восточные области Малой Азии, прикавказские страны, Египет, северное побережье Африки, Испанию. Во второй половине VII века и в начале VIII они дважды осаждали Константинополь, от которого были оба раза не без труда отбиты благодаря энергии и талантам императоров Константина IV Погоната и Льва III Исавра. В 732 году вторгнувшиеся из-за Пиренеев в Галлию арабы были остановлены Карлом Мартеллом при Пуатье. В IX веке арабы

³⁹ B. Kugler. Kaiser Alexius und Albert von Aachen // Forschungen zur deutschen Geschichte. Bd. XXIII. 1883, S. 486.

⁴⁰ F. Chalandon. Les Comnène... Vol. I. P. 161.

⁴¹ F. Chalandon. Histoire de la première croisade jusqu'à l'élection de Godefroi de Bouillon. Paris, 1925, préface I.

завоевали остров Крит, а к началу X века в их руки перешли остров Сицилия и большая часть южноитальянских владений Византии.

Эти арабские завоевания имели очень большое значение для политической и экономической ситуации в Европе. Как сказал А. Пиренн, «молниеносное продвижение арабов изменило облик мира. Их внезапное вторжение разрушило древнюю Европу. Оно положило конец средиземноморскому союзу, который составлял ее силу... Средиземное море было римским озером. Оно стало в значительной мере озером мусульманским»⁴². Это утверждение бельгийского историка должно быть с некоторыми оговорками принято. Экономические связи Западной Европы с восточными странами были ограничены мусульманами, но не прерваны. Торговцы и паломники продолжали путешествовать в обе стороны, и экзотические восточные продукты были в Европе доступны, например, в Галлии⁴³.

Первоначально ислам отличался терпимостью. Отдельные случаи нападений на церкви христиан, не имевшие по большей части под собой религиозной подкладки, бывали в X веке; но подобные прискорбные факты являлись лишь случайными и преходящими. В отвоеванных у христиан областях они по большей части сохраняли церкви, христианское богослужение и не творили препятствий для дел христианской благотворительности. В эпоху Карла Великого, в начале IX века, в Палестине восстанавливались и строились новые церкви и монастыри, для чего Карлом посылались обильная «милостыня»; при церквях устраивались библиотеки. Паломники беспрепятственно ездили по святым местам. Эти взаимоотношения между Франкской империей Карла Великого и Палестиной в связи с обменом несколькими посольствами между западным монархом и халифом Гаруном ар-Рашидом привели к выводу, поддерживаемому некоторыми учеными, что в Палестине при Карле Великом был установлен своего рода франкский протекторат – настолько, насколько затрагивались христианские интересы в Святой земле; политическая же власть халифа в этой стране оставалась неизменной⁴⁴. С другой стороны, другая группа историков, отрицая важность этих отношений, говорит, что протекторат никогда не существовал и что «это миф, подобный легенде о крестовом походе Карла в Палестину»⁴⁵. Заглавие одной из последних статей по этому вопросу – «Легенда о протекторате Карла в Святой земле»⁴⁶. Термин «франкский протекторат», как и многие другие, условен и достаточно неопределен. Здесь важно то, что с начала IX века франкская империя имела весьма обширные интересы в Палестине. Это был очень важный факт для последующего развития международных отношений, которые предшествовали Крестовым походам.

Во второй половине X века блистательные победы византийского оружия при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии над восточными арабами сделали Алеппо и Антиохию вассалами (vassal states) империи, и после этого византийская армия, возможно, вошла в Палестину. Эти военные успехи Византии имели свой отклик (repercussion) в Иерусалиме, так что в результате

⁴² H. Pirenne. Mahomet et Charlemagne // *Revue beige de philologie et d'histoire*. Т. I. 1922. P. 85: «Без ислама империя франков, наверное, никогда бы не существовала, и Карл Великий без Мухаммеда был бы немислим»; Idem. *Medieval Cities*. Princeton, 1925. P. 24, 26. Французское издание этой же книги: *Les villes du Moyen age*. Bruxelles, 1927. P. 25, 28. См. также: R.S. Lopez. Mohammed and Charlemagne: A Revision. – *Speculum*. Vol. XVIII. 1943. P. 1–8.

⁴³ См.: L. Halphen. La Conquete de la Mediterranee par les Europeens au Xle et au Xlle siècle // *Mélanges d'histoire offerts a H. Pirenne*. Bruxelles – Paris, 1926. Т. I. P. 175; J. Ebersolt. Orient et Occident. Recherches sur les influences byzantines et orientales en France avant les Croisades. Vol. I. Paris, 1928. P. 56–57; N. Iorga в журнале *Revue historique du Sud-est europeen*. Т. VI. 1929. P. 77.

⁴⁴ См.: А.А. Васильев. Карл Великий и Гарун ар-Рашид // *Византийский временник*. Т. XX. 1913. С. 63–116; L. Bréhier. *Les Croisades*. P. 22–34; Idem. *Charlemagne et la Palestine* // *Revue historique*. Vol. CLVII. 1928. P. 277–291. У Брейе есть полная библиография по этому вопросу.

⁴⁵ E. Joranson. The Alleged Frankish Protectorate in Palestine // *American Historical Review*. Vol. XXXII. 1927. P. 260. См. также: В.В. Бартольд. Карл Великий и Гарун ар-Рашид // *Христианский Восток*. Т. 1. 1912. С. 69–94.

⁴⁶ A. Kleinclausz. La Legende du protectorat de Charlemagne sur la Terre Sainte // *Syria*. Vol. VII. 1926. P. 211–233; S. Runciman. *Charlemagne and Palestine* // *English Historical Review*. Vol. L. 1935. P. 606–619. Рансимен пишет (с. 619), что теория о протекторате Карла в Палестине должна быть отвергнута как миф.

французский историк Л. Брейе считал возможным говорить о византийском протекторате в Святой земле, который положил конец протекторату франкскому⁴⁷.

Переход Палестины во второй половине X века (969 г.) под власть египетской династии Фатимидов, по-видимому, не внес сначала какого-либо существенного изменения в благоприятное положение восточных христиан и в безопасность приезжавших паломников. Однако в XI веке обстоятельства изменились. Из этого времени для нашего вопроса необходимо отметить два важных факта. Сумасшедший фатимидский халиф ал-Хаким, этот «египетский Нерон»⁴⁸, открыл жестокое гонение на христиан и иудеев на всем пространстве своих владений. По его велению в 1009 году храм Воскресения и Голгофа в Иерусалиме подверглись разрушению. В своей ярости разрушения церквей он остановился только потому, что боялся аналогичной судьбы мечетей в христианских областях⁴⁹.

Когда Л. Брейе писал о византийском протекторате в Святой земле, он имел в виду утверждение арабского историка XI века Иахьи Антиохийского. Последний рассказывает, что в 1012 году один вождь кочевников восстал против халифа, захватил Сирию и обязал христиан восстановить храм Рождества в Иерусалиме и назвал одного епископа по своему выбору патриархом Иерусалимским. Потом этот бедуин «помог этому патриарху построить заново церковь Рождества и восстановил много мест по мере своих возможностей»⁵⁰. Анализируя этот текст, В.Р. Розен заметил, что бедуин действовал так «возможно, с целью завоевать благорасположение греческого императора»⁵¹. Л. Брейе приписал гипотезу Розена тексту Иахьи. В этих условиях невозможно с такой уверенностью, как это делает Л. Брейе, утверждать истинность теории византийского протектората над Палестиной⁵².

Однако в любом случае только в начале реставрации в Святой земле, после смерти ал-Хакима в 1021 году, для христиан наступило время терпимости. Между Византией и Фатимидами был заключен мир, и византийские императоры получили возможность приступить к восстановлению храма Воскресения, постройка которого была закончена в половине XI века при императоре Константине Мономахе. Христианский квартал был обнесен крепкой стеной. Паломники после смерти ал-Хакима снова получили свободный доступ в Святую землю, и источники за это время отмечают среди других лиц одного из наиболее знаменитых пилигримов, а именно – Роберта Диавола, герцога Нормандского, который умер в Никее в 1035 году по пути из Иерусалима⁵³. Может быть, в это же время, то есть в тридцатых годах XI века, приезжал в Иерусалим со скандинавской дружиной, пришедшей вместе с ним с севера, и знаменитый варяг той эпохи Гаральд Гардрад, сражавшийся против мусульман в Сирии и Малой Азии⁵⁴. Преследования христиан вскоре возобновились. В 1056 году храм

Гроба Господня был закрыт и более трехсот христиан было выслано из Иерусалима⁵⁵. Храм Воскресения был, очевидно, восстановлен после разрушения с надлежащим великоле-

⁴⁷ L. Bréhier. Charlemagne et la Palestine // Revue historique. Vol. CLVII. 1928. P. 38–39.

⁴⁸ G. Schlumberger. EÉropee byzantine a la fin du dixieme siècle. Vol. II. Paris, 1900. P. 442.

⁴⁹ M. Canard. Les Expéditions des arabes contre le Constantinople dans l'histoire et dans la légende // Journal Asiatique. Vol. CCVIII. 1926. P. 94.

⁵⁰ В.Р. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883. С. 47 (арабский текст), с. 49 (русский перевод). Yahiya Ibn Said Antiochensis. Annales / Ed. L. Cheikho. Beyrouth – Paris, 1909. P. 201.

⁵¹ В.Р. Розен. Там же. С. 356.

⁵² Л. Брейе цитирует Иахью по сочинению: G. Schlumberger. Пёропёе byzantine... Т. 2. P. 448. Шлюмберже, в свою очередь, цитирует Иахью по сочинению В.Р. Розена, давая гипотезе Розена правильную оценку.

⁵³ См.: E. Freeman. The History of the Norman Conquest of England. Vol. I. Oxford, 1870. P. 473; Vol. II. Oxford, 1870. P. 187; J. Ebersolt. Orient et Occident. Vol. I. P. 79; L. Bréhier. Charlemagne et la Palestine // Revue historique. Vol. CLVII. 1928. P. 45.

⁵⁴ См.: В.Г. Васильевский. Варяжско-русское и варяжско-английское войско (дружина) в Константинополе в XI и XII веках // Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 265–266; K. Gjerset. History of the Norwegian People. New York. Т. 1. 1915. P. 278.

⁵⁵ Miracula S. Wulframni // Acta Sanctorum ordina S. Benedicti in saeculorum classes distributa. Saeculum XI. Collegit D. Lucas d'Achery ac cum eo edidit D.T. Mabillon. Paris, 1668–1701. P. 381–382; J. Ebersolt. Orient et Occident. P. 74.

нием, о чем свидетельствует, например, русский паломник игумен Даниил, посетивший Палестину в первые годы XII века, т. е. в первое время существования Иерусалимского королевства, основанного в 1099 году, после Первого крестового похода. Даниил перечисляет колонны храма, говорит о выложенном мраморном поле и шести дверях и дает интересные сведения о мозаиках. У него же мы находим сообщения о многих церквях, святынях и местах Палестины, связанных с новозаветными воспоминаниями⁵⁶. По словам Даниила и современного ему англосаксонского паломника Зевульфа, «поганые сарацины» (т. е. арабы) были неприятны тем, что скрывались в горах и пещерах, нападали иногда с целью грабежа на проезжавших по дорогам пилигримов. «Сарацины всегда устраивали западни для христиан, прячась в горных долинах и пещерах скал, сторожа день и ночь тех, на кого они могли напасть»⁵⁷.

Мусульманская терпимость в отношении христиан проявлялась и на Западе. Когда, например, в конце XI века испанцы отняли у арабов город Толедо, то, к своему удивлению, нашли христианские храмы в городе нетронутыми и узнали, что в них беспрепятственно совершалось богослужение. Одновременно, когда в конце того же XI века норманны завоевали у мусульман Сицилию, они, несмотря на более чем двухвековое господство последних на острове, нашли на нем огромное число христиан, свободно исповедовавших свою веру. Итак, первым событием XI века, которое больно отозвалось на христианском Западе, было разрушение храма Воскресения и Голгофы в 1009 году. Другое событие, связанное со Святой землей, произошло во второй половине XI века.

Турки-сельджуки, после того как они разбили византийские войска при Манцикерте в 1071 году, основали Румийский, иначе Иконийский, султанат в Малой Азии и стали затем успешно продвигаться во всех направлениях. Их военные успехи имели отзвук в Иерусалиме: в 1070 году турецкий полководец Атциг направился в Палестину и захватил Иерусалим. Вскоре после этого город восстал, так что Атциг вынужден был начать осаду города снова. Иерусалим был взят вторично и подвергнут страшному разграблению. Затем турки захватили Антиохию в Сирии, обосновались в Никее, Кизике и Смирне в Малой Азии и заняли острова Хиос, Лесбос, Самос и Родос. Условия пребывания европейских паломников в Иерусалиме ухудшились. Даже если преследования и притеснения, которые приписываются туркам многими исследователями, преувеличены, весьма сложно согласиться с мнением В. Рамзая (W. Ramsay) о мягкости турок по отношению к христианам: «Сельджукские султаны управляли своими христианскими подданными в очень мягкой и терпимой форме, и даже с предубеждением относящиеся к ним историки Византии позволяли себе лишь немного намеков по поводу христиан, во многих случаях предпочитавших власть султанов власти императоров... Христиане под властью Сельджукидов были счастливее, чем в сердце Византийской империи. Самыми же несчастными из всех были византийские пограничные области, подвергавшиеся постоянным нападениям. Что касается религиозных преследований, то нет ни одного их следа в сельджукидский период»⁵⁸.

Таким образом, разрушение храма Воскресения в 1009 году и переход Иерусалима в руки турок в 1078 году были теми двумя фактами, которые глубоко подействовали на религиозно

⁵⁶ Житие и хождение Даниила, игумена земли русской // Православный палестинский сборник. Вып. 3. СПб., 1887. С. 15–16. Французский перевод: *Vie et pelerinage de Daniel, hegoumene russe // Itineraires russes en Orient / Traduction par B. Khitrovo. Geneve, 1889. T. I. P. 12 ff.* См. также: Н. Vincent, F.M. Abel. *Jerusalem. Recherches de topographie, d'archeologie et d'histoire. Vol. II. Paris, 1914. P. 258.*

⁵⁷ *Itineraires russes en Orient... T. I. P. 12 ff. Pilgrimage of Saewulf to Jerusalem and the Holy Land (Palestine Pilgrims Text Society). London, 1898. P. 8.*

⁵⁸ W. Ramsay. *The Cities and Bishoprics of Phrygia. Vol. I. Oxford, 1870. P. 16, 27.* Ему следует J.W. Thompson. *An Economic and Social History of the Middle Ages. New York, London, 1928. P. 391.* Здесь, однако, дается неверная ссылка на статью В. Рамзая: *The War of Moslem and Christian for the Possession of Asia Minor // Contemporary Review. Vol. XC. 1906. P. 1–15.* По поводу турок в Палестине в конце XI века см.: P.E. Riant. *Inventaire critique des lettres historiques de croisades // Archives de Foment latin. Vol. 1.1881. P. 65.*

настроенные массы Западной Европы и вызвали в них сильный порыв религиозного воодушевления. Многим наконец стало ясно, что в случае гибели Византии под натиском турок весь христианский Запад подвергнется страшной опасности. «После стольких столетий ужаса и опустошений, – писал французский историк, – падет ли снова Средиземноморье под натиском варваров? Таков болезненный вопрос, который поднялся к 1075 году. Западная Европа, медленно перестроившаяся в XI веке, возьмет на себя тяжесть ответа на него: на массовое наступление турок она готовится ответить крестовым походом»⁵⁹.

Ближайшую же опасность от все возрастающего усиления турок испытывали византийские императоры, которые после манцикертского поражения, как им казалось, уже не могли справиться с турками одними собственными силами. Взоры их были направлены на Запад, главным образом на папу, который, как духовный глава западноевропейского мира, мог своим влиянием побудить западноевропейские народы оказать посильную помощь Византии. Иногда же, как мы уже видели на примере обращения Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому, императоры обращались и к отдельным светским правителям на Западе. Алексей, однако, имел в виду скорее некоторое количество вспомогательных сил, чем мощные и хорошо организованные армии.

Папы отнеслись весьма сочувственно к призывам восточных базилиевсов. Помимо чисто идейной стороны дела, а именно помощи Византии, а с нею и всему христианскому миру, и освобождения святых мест из рук неверных, папы, конечно, имели в виду и интересы католической церкви в смысле дальнейшего усиления, в случае успеха предприятия, папской власти и возможности возвращения восточной церкви в лоно церкви католической. Церковного разрыва 1054 года папы забыть не могли. Первоначальная мысль византийских государей получить с Запада лишь вспомогательные наемные отряды превратилась впоследствии, постепенно, преимущественно под влиянием папской проповеди в идею о крестовом походе Западной Европы на Восток, т. е. о массовом движении западноевропейских народов с их государями и наиболее выдающимися военными вождями.

Еще во второй половине XIX века ученые полагали, что первая идея о крестовых походах и первый призыв к ним вышел в конце X века из-под пера знаменитого Герберта, бывшего папой под именем Сильвестра II. Но в настоящее время в этом послании «От лица разоренной Иерусалимской церкви к церкви Вселенской», находящемся в собрании писем Герберта, где Иерусалимская церковь обращается к Вселенской с просьбой прийти ей на помощь своими щедротами, лучшие знатоки вопроса о Герберте видят, во-первых, подлинное произведение Герберта, написанное им еще до времени папствования, вопреки мнению некоторых о позднейшей фальсификации послания, и, во-вторых, видят в нем не проект крестового похода, а простое окружное послание к верующим для побуждения их к посылке милостыни на поддержание христианских учреждений Иерусалима⁶⁰. Не надо забывать и того, что в конце X века положение христиан в Палестине не давало еще никаких оснований для крестового предприятия.

Еще до Комнинов под угрозой сельджукской и узо-печенежской опасности император Михаил VII Дука Паррапинак обратился с посланием к папе Григорию VII, прося его о помощи и обещая за последнюю соединение церквей. Папа отправил целый ряд посланий с увещеваниями помочь гибнущей империи. В письме к графу Бургундскому он писал: «Мы надеемся... что после подчинения норманнов мы переправимся в Константинополь на помощь христианам, которые, будучи сильно удручены частыми нападениями сарацин, жадно просят, чтоб мы

⁵⁹ L. Halfen. Les Barbares: des grandes invasions aux conquêtes turques du Xe siècle. Paris, 1926. P. 387. См. также: C. Erdmann. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. S. 363–377.

⁶⁰ T. Havet. Lettres de Gerbert (983–997). Paris, 1889. P. 22, note 3; Н. Бубнов. Сборник писем Герберта как исторический источник. II. СПб., 1890. С. 230, прим. 137. См. также: Н. Sybel. Geschichte des ersten Kreuzzuges. S. 458–459.

им протянули руку помощи»⁶¹. В другом письме Григорий VII упоминает «о жалкой судьбе столь великой империи»⁶². В письме к германскому государю Генриху IV папа писал о том, что «большая часть заморских христиан истребляется язычниками в неслыханном поражении и наподобие скота ежедневно избивается, и что род христианский уничтожается»; они смиренно молят нас о помощи, «чтобы христианская вера в наше время, чего не дай Боже, совершенно не погибла»; послушные папскому убеждению, итальянцы и другие европейцы (*ultramontani*) готовят уже армию свыше 50 000 человек и, поставив, если возможно, во главе экспедиции папу, хотят подняться против врагов Бога и дойти до Гроба Господня. «К этому делу, – пишет далее папа, – меня особенно побуждает также и то обстоятельство, что Константинопольская церковь, не согласная с нами относительно Святого Духа, стремится к согласию с апостольским престолом»⁶³.

Как видно, в этих письмах речь идет далеко не только о крестовом походе для освобождения Святой земли. Григорий VII рисовал план экспедиции в Константинополь для спасения Византии, этой главной защитницы христианства на Востоке. Принесенная папой помощь обусловливалась воссоединением церквей, возвращением в лоно католической церкви «схизматической» церкви восточной. Получается впечатление, что в вышеприведенных письмах идет речь более о защите Константинополя, чем об отвоевании святых мест, тем более что все эти письма были написаны ранее 1078 года, когда Иерусалим перешел в руки турок и положение палестинских христиан ухудшилось. Поэтому является возможным предположить, что в планах Григория VII священная война против ислама стояла на втором месте и что папа, вооружая западное христианство на борьбу с мусульманским востоком, имел в виду «схизматический» восток. Последний же для Григория VII был более ужасен, чем ислам. В одном послании о землях, занятых испанскими маврами, папа открыто заявлял, что он предпочел бы эти земли оставить в руках неверных, т. е. мусульман, чем увидеть, чтобы они попали в руки непокорных сынов церкви⁶⁴. Считая послания Григория VII первым планом крестовых походов, нужно отметить связь между этим планом и разделением церквей 1054 года.

Подобно Михаилу VII Паррапинаку, Алексей Комнин, особенно переживая ужасы 1091 года, также обращался к Западу, прося о присылке наемных вспомогательных отрядов. Но благодаря вмешательству половцев и насильственной смерти турецкого пирата Чахи опасность для столицы миновала без западной помощи, так что в следующем, 1092 году, с точки зрения Алексея, вспомогательные западные отряды казались уже ненужными для империи. Между тем дело, начатое на Западе Григорием VII, распространилось, главным образом благодаря убежденному и деятельному папе Урбану II. Скромные просьбы Алексея Комнина о вспомогательных войсках были забыты. Речь шла теперь о массовом вторжении.

Историческая наука, еще со времени первого критического исследования Первого крестового похода немецким историком Зибелем (первое издание его книги вышло в 1841 году)⁶⁵, отмечает следующие главные – с западной точки зрения – причины крестовых походов. 1) Общее религиозное настроение Средневековья, усилившееся еще в XI веке благодаря клюнийскому движению; в обществе, подавленном сознанием греховности, замечается стремление к аскетизму, отшельничеству, к духовным подвигам, к паломничеству; под таким же влиянием находились тогдашние богословие и философия. Это настроение являлось первой общей причиной, поднявшей массы населения на подвиг освобождения Гроба Господня. 2) Возвышение папства в XI веке, особенно при Григории VII. Для папства крестовые походы представлялись

⁶¹ PL. Vol. CXLVIII. Col 326.

⁶² PL. Vol. CXLVIII. Col. 329.

⁶³ PL. Vol. CXLVIII. Col. 386.

⁶⁴ PL. Vol. CXLVIII. Col. 290. См. также: С. Kohler в журнале *Revue historique*. Vol. LXXXIII. 1903. R 156–157; С. Erdmann. *Die Entstehung des Kreuzzugsgedarikens*. S. 149.

⁶⁵ Н. Sybel. *Geschichte des ersten Kreuzzuges*. Leipzig, 1881 (Второе издание).

в высшей степени желательными, так как открывали для дальнейшего развития их могущества широкие горизонты: в случае успеха предприятия, инициаторами и духовными руководителями которого они должны явиться, папы распространят свое влияние на ряд новых стран и возвратят в лоно католической церкви «схизматическую» Византию. Идеальные стремления пап помочь восточным христианам и освободить Святую землю, особенно характерные для личности Урбана II, перемешивались, таким образом, с их стремлениями увеличить папскую власть и могущество. 3) Мирские, светские интересы также играли значительную роль у различных общественных классов. Феодалное дворянство, бароны и рыцари, участвуя в общем религиозном порыве, видели в крестоносном предприятии прекрасный случай удовлетворить свое славолубие, воинственность и увеличить свои средства. Подавленные тяжестью феодального бесправия крестьяне, увлеченные религиозным чувством, видели в крестовом походе по крайней мере временное освобождение от тяжелых условий феодального гнета, отсрочку в уплате долгов, уверенность в защите оставляемых семей и скудного имущества со стороны церкви и избавление от грехов. Позже другие явления были подчеркнуты историками в связи с истоками Первого крестового похода.

В XI веке западные паломничества в Святую землю были особенно многочисленны. Некоторые паломничества организовывались очень большими группами. Помимо индивидуальных паломничеств предпринимались и целые экспедиции. Так, в 1026–1027 гг. семьсот паломников, среди которых был французский аббат и большое количество нормандских рыцарей, посетили Палестину. В том же году Вильям, граф Ангулемский в сопровождении определенного количества аббатов запада Франции и большого количества знати совершил путешествие в Иерусалим. В 1033 году было такое количество паломников, какого не было когда-либо ранее. Однако самое знаменитое паломничество произошло в 1064–1065 гг., когда более 7000 человек (обычно говорят, что более 12 000) под руководством Гюнтера, епископа германского города Бамберга, отправились на поклонение святым местам. Они прошли через Константинополь и Малую Азию и после многочисленных приключений и потерь достигли Иерусалима. Источник по поводу этого большого паломничества утверждает, что «из семи тысяч отправившихся вернулось меньше двух тысяч» и те, кто вернулся, «значительно обеднели». Сам Гюнтер, глава паломничества, скончался рано. «Одна из многочисленных жизней, потерянных в этой авантюре»⁶⁶ (adventure).

В связи с этими мирными докрестовыми паломничествами вставал вопрос, можно ли рассматривать XI век, как это часто уже делалось, в качестве периода перехода от мирных паломничеств к военным экспедициям крестоносного времени. Многие исследователи стремились обосновать это, ввиду того что вследствие новой ситуации в Палестине после турецкого завоевания группы паломников начали путешествовать вооруженными, чтобы защитить самих себя от возможных нападений. Теперь же, когда благодаря Е. Джорансону точно установлено, что крупнейшее паломничество XI века было осуществлено исключительно невооруженными людьми, со всей неизбежностью встает вопрос: «Было ли какое-либо из паломничеств времени до крестовых походов экспедицией с оружием?»⁶⁷. Конечно, иногда рыцари-паломники были вооружены, однако «хотя некоторые из них носили кольчуги, они еще были мирными паломниками» и не являлись крестоносцами.⁶⁸ Они сыграли значительную роль в предыстории Крестовых походов благодаря той информации, которую они несли в Западную Европу о положении в Святой земле, пробуждая и поддерживая к ней интерес⁶⁹. Все эти экспедиции паломников

⁶⁶ См.: E. Joranson. The Great German Pilgrimage of 1064–1065. В кн: The Crusades and Other Historical Essays Presented to D.C. Munro by His Former Students. New York, 1928. P. 39.

⁶⁷ E. Joranson. The Great German Pilgrimage... P. 40.

⁶⁸ О.А. Добиаш-Рождественская. Эпоха крестовых походов: Запад в крестоносном движении. Петроград, 1918. С. 16.

⁶⁹ О паломничествах XI века см.: L. Bréhier. Les Croisades... P. 42–50; E. Joranson. The Great German Pilgrimage... P. 4, note to p. 3; 40, note 141. В книге: The Legacy of the Middle Ages / Ed. C. Crump, E. Jacob. Oxford, 1926. P. 63, есть следующие

имели место до того, как турки завоевали Палестину. Результатом одного из новейших исследований о паломничествах в XI веке до турецкого завоевания стало открытие притеснений паломников арабами задолго до сельджукского завоевания⁷⁰, так что утверждение «пока арабы владели Иерусалимом, христианские паломники из Европы могли передвигаться беспрепятственно»⁷¹ является слишком оптимистичным.

Нет никакой информации о паломничествах в XI веке из Византии в Святую землю. Византийский монах Епифаний, автор первого греческого итинерария в Святую землю, составил описание Палестины до Крестовых походов, однако его время жизни нельзя определить с точностью. Мнения исследователей расходятся: от конца VIII века до XI⁷².

До Первого крестового похода Европа испытала уже три настоящих крестовых похода – войну Испании против мавров, норманнское завоевание Апулии и Сицилии и нормандское завоевание Англии в 1066 году. Более того, в Италии в XI веке возникло – с центром в Венеции – особое экономическое и политическое движение. Мир на берегах Адриатики послужил солидной основой экономического могущества Венеции, и знаменитый документ от 1082 года, данный Венеции Алексеем Комнином, открыл Республике святого Марка византийские рынки. «С этого дня началась мировая торговля Венеции»⁷³. В то время Венеция, как многие другие южноитальянские города, которые до сих пор оставались под византийской властью, торговала с мусульманскими портами. В то же время Генуя и Пиза, которые в X и в начале XI века многократно подвергались нападениям мусульманских пиратов Северной Африки, предприняли в 1015–1016 годах экспедицию на Сардинию, которая была в руках мусульман. Им удалось отвоевать Сардинию и Корсику. Корабли обоих городов заполнили порты североафриканского побережья, и в 1087 году с благословения папы они успешно атаковали город Мехдия на побережье Северной Африки. Все эти экспедиции против неверных объяснялись не только религиозным энтузиазмом или духом приключений, но и экономическими причинами.

Другим фактором в истории Западной Европы, который связывают с началом Крестовых походов, является возрастание численности населения в некоторых странах, которое началось около 1100 года. Совершенно точно известно, что численность населения возросла во Фландрии и во Франции. Одним из аспектов передвижения масс людей в конце XI века была средневековая колониальная экспансия из некоторых западноевропейских стран, особенно из Франции. XI век во Франции был временем постоянного голода, неурожаев, сильных эпидемий и суровых зим. Эти суровые условия жизни привели к уменьшению населения в областях, ранее полных изобилия и процветания. Принимая во внимание все эти факторы, можно прийти к выводу, что к концу XI века Европа была духовно и экономически готова к крестоносному предпринятию в широком смысле слова.

Общая ситуация перед Первым крестовым походом была совершенно отличной от ситуации перед Вторым. Эти пятьдесят один год, 1096–1147, были одной из самых важных эпох в истории. В течение этих лет экономические, религиозные и все культурные аспекты европейской жизни изменились радикально. Новый мир был открыт для Западной Европы. Последующие крестовые походы не очень много добавили в жизнь этого периода. Они были лишь развитием процессов, которые происходили в эти годы между Первым и Вторым крестовым

шее неправильное утверждение: эпоха паломничества усилила интерес европейских государств к Ближнему Востоку, и затем последовали Крестовые походы.

⁷⁰ E. Joranson. *The Great German Pilgrimage...* P. 42.

⁷¹ H. Loewe. *The Seljuqs // Cambridge Medieval History*. Vol. IV. Cambridge, 1923. P. 316.

⁷² См.: K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Literatur*. München, 1897. S. 420; H. Vincent, F.-M. Abel. *Jerusalem. Recherches de topographie, d'archéologie et d'histoire*. Vol. II. S. 37.

⁷³ Ch. Diehl. *Une République patricienne. Venise*. Paris, 1928. P. 33.

походами. И странно читать у одного итальянского историка, что первые крестовые походы были «бесплодным безумием» (*sterili insanie*)⁷⁴.

Первый крестовый поход является первым организованным наступлением христианского мира против неверных, и это наступление не ограничивалось центральной Европой, Италией и Византией. Он начинался в юго-западном углу Европы, в Испании, и кончался в бескрайних степях России.

Что касается Испании, папа Урбан II в своем письме 1089 г. испанским градам (*counts*), епископам, *vice comites* и другим знатым и могущественным лицам призывал их остаться в своей собственной стране вместо того, чтобы идти в Иерусалим, и направить свою энергию на восстановление христианских церквей, разрушенных маврами⁷⁵. Это был правый фланг крестового движения против неверных.

На северо-востоке Русь отчаянно сражалась с дикими ордами половцев (куманов), которые появились в южных степях около середины XI века, разорили страну и привели в расстройство торговлю, заняв все дороги, ведущие из Руси на восток и на юг. В.О. Ключевский писал в связи с этим: «Эта почти двухвековая борьба Руси с половцами имеет свое значение в европейской истории. В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни». Таким образом, Русь участвовала в общем западноевропейском крестовом движении, защищая себя и в то же время Европу от варваров-язычников (*infidels*). «Если бы русские подумали принять крест, – писал Б. Лейб, – им можно было бы сказать, что их первая обязанность служить христианству заключается в защите своей собственной страны, как писал папа испанцам»⁷⁶.

Скандинавские царства также участвовали в Первом крестовом походе, однако они присоединялись к основной армии небольшими соединениями. В 1097 году датский дворянин Свейн (*Svein*) привел отряд крестоносцев в Палестину. В северных странах избыточный религиозный энтузиазм не проявлялся, и, насколько известно, большая часть скандинавских рыцарей была движима в меньшей степени христианскими устремлениями, чем любовью к войне и приключениям, надеждой на добычу и славу⁷⁷.

В это время было две христианские страны на Кавказе – Армения и Грузия. Однако после поражения византийской армии при Манцикерте в 1071 году Армения попала под власть турок, так что не было даже вопроса об участии кавказских армян в Первом крестовом походе. Что касается Грузии, то сельджуки захватили страну в XI веке, и только после того, как крестоносцы захватили Иерусалим в 1099 году, Давид Строитель изгнал турок. Это произошло около 1100 года, или, как утверждает грузинская хроника, тогда, когда «франкская армия двинулась вперед и с Божьей помощью взяла Иерусалим и Антиохию, Грузия стала свободной, и Давид стал могущественным»⁷⁸.

⁷⁴ E Cerone. *La Politica Orientale di Alfonso d'Aragóna* // *Archivio storico per le provincie Napolitane*. Vol. XVII. 1902. P. 425.

⁷⁵ Булла Урбана II от 1 июля 1089 года см. в: J.D. Mansi. *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*. Vol. XX. P. 701; PL. Vol. CLI. Col. 302–303; P. Jaffe. *Regesta PontifL cum Korimnorum*. Vol. I. Leipzig, 1885. P. 663 (no. 5401). См. также: RE. Riant. *Inventaire critique des lettres historiques de croisades* // *Archives de l'orient latin*. Vol. 1.1881. P. 68–69. Риан немного колебался, правда, без достаточных на то оснований, в подлинности этой буллы. См. также: С. Erdmann. *Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens*. S. 295, note 38.

⁷⁶ B. Leib. *Rome, Kiev et Byzance...* P. 276, note 1.

⁷⁷ K. Gjerset. *History of the Norwegian People*. New York, 1915. Vol. I. P. 313–314; RE. Riant. *Expeditions et pelerinages des Scandinaves en Terre Sainte*. Paris, 1865. P. 127–171.

⁷⁸ M. Brosset. *Histoire de la Géorgie..* Vol. I. St.-Petersbourg, 1849. P. 352–353. См. также: A. Dirr. *Georgie* // *Encyclopedic de l'Islam*. Vol. II. P. 139–140; W.E.D. Allen. *A History of the Georgian People*. London, 1932. P. 95–97.

Когда в 1095 году в связи со всеми западноевропейскими осложнениями и проектируемыми реформами победоносный (victorious) папа Урбан II собрал собор в Пьяченце, туда же прибыло посольство от Алексея Комнина с просьбой о помощи. Этот факт некоторыми учеными отрицался, однако современные исследователи этой проблемы пришли к выводу, что Алексей действительно обратился в Пьяченце за помощью⁷⁹.

Конечно, это событие еще не было «решающим фактором», приведшим к крестовому походу, как утверждал Зибель⁸⁰. Как и раньше, если Алексей обратился за помощью в Пьяченце, то он не думал о крестоносных армиях, он хотел не крестового похода, а наемников против турок, которые за последние три года стали представлять большую опасность в их успешном продвижении в Малой Азии. Примерно в 1095 году Кылыч-Арслан был избран султаном в Никее. «Он вызвал в Никею жен и детей тех воинов, которые в то время там находились, поселил их в городе и вновь сделал Никею резиденцией султанов»⁸¹. Иными словами, Кылыч-Арслан сделал Никею своей столицей. В связи с этими турецкими успехами Алексей мог обратиться за помощью в Пьяченцу, однако в его намерения крестовый поход в Святую землю не входил. Его интересовала помощь против турок. К сожалению, об этом эпизоде в источниках мало информации. Один современный исследователь заметил: «От собора в Пьяченце до прибытия крестоносцев в Византийскую империю взаимоотношения Востока и Запада покрыты мраком»⁸².

В ноябре 1095 года в Клермоне (в Оверни, в Центральной Франции) собрался знаменитый собор, на который съехалось так много народа, что в городе не нашлось достаточно жилья для всех прибывших и многие разместились под открытым небом. По окончании собора, на котором был рассмотрен ряд наиболее важных текущих дел, Урбан II обратился к собравшимся с пламенной речью, подлинный текст которой до нас не дошел. Записавшие же речь на память некоторые очевидцы собрания сообщают нам тексты, сильно отличающиеся друг от друга⁸³. Папа, обрисовав в ярких красках преследования христиан в Святой земле, убеждал толпу поднять оружие на освобождение Гроба Господня и восточных христиан. С криками «Dieu le veut!» («Deus lo volt» в хронике) толпа бросилась к папе. По его предложению, будущим участникам похода были нашиты на одежду красные кресты (отсюда название «крестоносцы»). Им было объявлено отпущение грехов, прощение долгов и защита их имущества церковью на время их отсутствия. Крестоносный обет считался непреложным, и его нарушение влекло за собой отлучение от церкви. Из Оверни воодушевление распространилось на всю Францию и в другие страны. Создавалось обширное движение на Восток, истинные размеры которого на Клермонском соборе нельзя было и предвидеть.

Поэтому движение, вызванное на Клермонском соборе и вылившееся в следующем году в форму крестового похода, является личным делом Урбана II, нашедшего для осуществления этого предприятия в жизненных условиях западноевропейского Средневековья второй половины XI века в высшей степени благоприятные условия.

⁷⁹ См.: D.C. Munro. Did the Emperor Alexius I Ask for Aid at the Council of Piacenza, 1095? // *American Historical Review*. Vol. XXVII. 1922. P. 731–733; J. Gay. *Les Papes du XIe siècle et la chretiente*. Paris, 1926. P. 366; B. Leib. *Rome, Kiev et Byzance*... P. 180; L. Bréhier. *Charlemagne and Palestine* // *Revue historique*. Vol. CLVII, 1928. P. 61–62; F. Dölger. *Corpus der griechischen Urkunden*. Bd. II. S. 43 (n. 1176). Ф. Шаландой (F. Chalandon. *Histoire de la premiere croisade*... P. 17–18, 156) считает, что послы Алексея приезжали в Пьяченцу для возобновления переговоров о воссоединении церквей. В середине XIX века Ф. Палгрейв придумал фантастическую теорию, согласно которой греческие послы в Пьяченце были переодетыми агентами Боэмунда Тарентского. См.: F. Palgrave. *The History of Normandy and of England*. Vol. IV. London, 1864. P. 509–510. Ср. также: R. B. Yewdale. *Bohemund I, Prince of Antioch*. P. 34, note 1.

⁸⁰ H. Sybel. *Geschichte des ersten Kreuzzuges*. S. 182.

⁸¹ Анна Комнина. *Алексиада*. VI, 12. С. 199.

⁸² F. Dunchalf. *The pop's Plan for the First Crusade* // *The Crusades and Other Historical Essays*... P. 48–49.

⁸³ См.: D.C. Munro. *Speech of Pope Urban II at Clermont, 1095* // *American Historical Review*. Vol. XI, 1906. P. 231–242.

Ввиду того что [турецкая] опасность в Малой Азии становилась все более угрожающей, вопрос о Первом крестовом походе был практически решен в Клермоне. Новости об этом решении дошли до Алексея как неожиданный и приведший в замешательство сюрприз. Новость приводила в замешательство, ибо он не ждал и не хотел помощи в виде крестового похода. Когда Алексей призывал наемников с Запада, он приглашал их для защиты Константинополя, то есть, иными словами, своего собственного государства. Идея же освобождения Святой земли, которая не принадлежала империи более четырех столетий, имела для него второстепенное значение.

Для Византии проблема крестового похода в XI веке не существовала. Религиозный энтузиазм не процветал ни в массах, ни у императора, не было и проповедников крестового похода. Для Византии политическая проблема спасения империи от ее восточных и северных врагов не имела ничего общего с далекой экспедицией в Святую землю. Византия имела свои собственные «крестовые походы». Были блистательные и победоносные экспедиции Ираклия против Персии в VII веке, когда Святая земля и Крест Животворящий были возвращены империи. Были победоносные кампании при Никифоре Фоке, Иоанне Цимисхии и Василии II против арабов в Сирии, когда императоры планировали окончательно вернуть себе власть над Иерусалимом. Этот план не осуществился, и Византия, под угрожающим нажимом ошеломляющих турецких успехов в Малой Азии в XI веке, отказалась от всякой надежды на возвращение Святой земли. Для Византии палестинская проблема в это время была избыточна. В 1090–1091 гг. она была в двух шагах от гибели, и когда Алексей обратился за западной помощью, а в ответ получил известие о приближении крестоносцев, его первой мыслью стало спасение империи. В написанных Алексеем ямбическими стихами «Музах», поэме, являющейся, как можно думать, своего рода политическим завещанием сыну и наследнику Иоанну, имеются следующие интересные строчки о первом Крестовом походе: «Вспоминаете ли вы о том, что случилось со мной? От движения Запада к этой стране произойти должно уменьшение высокого достоинства Нового Рима и императорского трона. Вот почему, мой сын, необходимо думать о достаточном накоплении, чтобы наполнить открытые рты варваров, которые дышат ненавистью против нас, на тот случай, если против нас поднимется и на нас бросится многочисленная армия, которая в своем гневе стала бы бросать против нас молнии, в то время как большое количество врагов окружило бы наш город»⁸⁴.

С этим фрагментом из «Муз» Алексея можно сравнить следующий отрывок из «Алексиады» Анны Комнины, также о Первом крестовом походе: «И вот, у мужчин и женщин возникло стремление, подобного которому не знала ничья память. Люди простые искренне хотели поклониться Гробу Господню и посетить святые места. Но некоторые, в особенности такие, как Боэмунд и его единомышленники, таили в себе иное намерение: не удастся ли им в придачу к остальной наживе захватить и сам царственный город»⁸⁵.

Эти два утверждения – императора и его ученой дочери – ясно показывают отношение Византии к крестовым походам. В оценке Алексея крестоносцы отнесены в ту же категорию, что и варвары, угрожающие империи, турки и печенеги. Что касается Анны Комнины, то она лишь мимоходом упоминает о «простых» людях среди крестоносцев, искренне собиравшихся посетить Святую землю. Идея крестового похода была абсолютно чужда византийскому менталитету конца XI века. У правящих кругов Византии было одно желание – отвернуть грозную турецкую опасность, угрожавшую с востока и севера. Потому-то Первый крестовый поход был исключительно западным предприятием, политически лишь слегка связанным с Византией. По правде говоря, Византийская империя предоставила крестоносцам некоторое количество

⁸⁴ R Maas. Die Musen des Kaisers Alexios I // Byzantinische Zeitschrift. Bd. XXII. 1913. S. 357–358, строчки 328–329. Если не ошибаюсь, этот пассаж до сих пор еще не использовался в связи с историей Первого крестового похода.

⁸⁵ Анна Комнина. Алексиада. X, 5. С. 277.

воинских соединений, которые, однако, не выходили за пределы Малой Азии. Византия не принимала никакого участия в завоевании Сирии и Палестины⁸⁶.

Весной 1096 года благодаря проповеди Петра Амьенского, называемого иногда Пустынником, которому отвергнутая теперь историческая легенда приписывает возбуждение крестового движения, во Франции собралась толпа, по большей части из бедных людей, мелких рыцарей, бездомных бродяг с женами и детьми, почти без оружия, и двинулась через Германию, Венгрию и Болгарию к Константинополю. Это недисциплинированное ополчение под предводительством Петра Амьенского и другого проповедника, Вальтера Неимущего, не дававшее себе отчета, где оно проходило, и не приученное к повиновению и порядку, по пути своего прохождения грабило и разоряло страну. Алексей Комнин с неудовольствием узнал о приближении крестоносцев, и это неудовольствие превратилось в некоторое опасение, когда до него дошли вести о грабежах и разорениях, чинимых крестоносцами по дороге. Подойдя к Константинополю и расположившись в его окрестностях, крестоносцы стали по обыкновению заниматься грабежом. Обеспокоенный император поспешил переправить их в Малую Азию, где они без труда были почти все перебиты турками около Никеи. Петр Пустынник еще до последней катастрофы возвратился в Константинополь.

История с неудачным ополчением Петра и Вальтера была как бы введением в первый Крестовый поход. Неблагоприятное впечатление, оставленное этими крестоносцами в Византии, распространялось и на последующих крестоносцев. Турки же, легко покончив с неподготовленными толпами Петра, получили уверенность в такой же легкой победе и над другими крестоносными ополчениями.

Летом 1096 года на Западе началось крестовое движение графов, герцогов и князей, т. е. собралось уже настоящее войско.

Ни один из западноевропейских государей не принял участия в походе. Германский государь Генрих IV был всецело занят борьбой с папами за инвеституру. Французский король Филипп I находился под церковным отлучением за свой развод с законной женой и женитьбу на другой женщине. Вильгельм Рыжий Английский из-за своего тиранического правления находился в непрерывной борьбе с феодалами, церковью и народными массами и с трудом удерживал в руках власть.

Среди предводителей рыцарских ополчений были следующие наиболее известные лица: Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, которому позднейшая молва придала настолько церковный характер, что трудно отличить его действительные черты; на самом деле это был не лишенный религиозности, но далеко не идеалистически настроенный феодал, желавший вознаградить себя в походе за потери, понесенные им в своем государстве. С ним отправились два брата, среди которых был Балдуин – будущий король Иерусалимский. Под предводительством Готфрида выступало лотарингское ополчение. Роберт, герцог Нормандский, сын Вильгельма Завоевателя и брат английского государя Вильгельма Рыжего, принял участие в походе из-за неудовлетворенности незначительной властью в своем герцогстве, которое он за известную сумму перед отправлением в поход заложил английскому королю. Гуго Вермандуа, брат французского короля, исполненный тщеславия, искал известности и новых владений и пользовался большим уважением среди крестоносцев. Грубый и вспыльчивый Роберт Фриз, сын Роберта Фландрского, также принял участие в походе. За его крестовые подвиги его прозвали Иерусалимским⁸⁷. Последние три лица стали во главе трех ополчений: Гуго Вермандуа во главе среднефранцузского, Роберт Нормандский и Роберт Фриз во

⁸⁶ См. интересную статью М. Канапа: M. Canard. La Guerre sainte dans le monde islamique et dans le monde chretien // Revue africaine. Vol. LXXIX. 1936. R 605–623. Канап также подчеркивает, что идея крестового похода как священной войны не существовала в Византии в XI веке.

⁸⁷ О Роберте II Фландрском см.: M.M. Knappen. Robert II of Flanders in the First Crusade // The Crusades and Other Historical Essays... P. 79—100.

главе двух северофранцузских ополчений. Во главе южнофранцузского, или провансальского, ополчения встал Раймунд, граф Тулузский, известный боец с испанскими арабами, талантливый полководец и искренне религиозный человек. Наконец, Боэмунд Тарентский, сын Роберта Гвискара, и его племянник Танкред, ставшие во главе южноитальянского норманнского ополчения, приняли участие в походе без каких-либо религиозных оснований, а в надежде при удобном случае свести свои политические счета с Византией, по отношению к которой они являлись убежденными и упорными врагами, и, очевидно, Боэмунд нацелил свои желания на овладение Антиохией⁸⁸. Норманны внесли в крестоносное предприятие чисто мирскую, политическую струю, которая шла вразрез с основным положением крестоносного дела. Армия Боэмунда была, возможно, подготовлена лучше всех других крестоносных отрядов, «ибо в ней было много людей, которые имели дело с сарацинами в Сицилии и с греками в Южной Италии»⁸⁹. Все крестоносные армии преследовали самостоятельные задачи; не было ни общего плана, ни главнокомандующего. Как видно, главная роль в Первом крестовом походе принадлежала французам.

Одна часть крестоносных ополчений направилась в Константинополь сухим путем, другая часть – морем. По дороге крестоносцы, наподобие предыдущего ополчения Петра Амьенского, грабили проходимые местности и производили всяческие насилия. Современник этого прохождения крестоносцев, Феофилакт, архиепископ Болгарский, в письме к одному епископу, объясняя причину своего долгого молчания, обвиняет за это крестоносцев; он пишет: «Мои губы сжаты; во-первых, прохождение франков или нападение, или я не знаю, как это назвать, настолько всех нас захватило и заняло, что мы даже не чувствуем самих себя. Мы вдосталь испили горькую чашу нападения... Так как мы привыкли к франкским оскорблениям, то переносим легче, чем прежде, несчастья, ибо время есть удобный учитель всему»⁹⁰.

К таким защитникам Божьего дела Алексей Комнин должен был питать недоверие. Не нуждаясь вообще в данный момент ни в какой иностранной помощи, император с неудовольствием и опасением взирал на приближавшиеся к его столице с разных сторон крестоносные ополчения, не имевшие по своей численности ничего общего с теми скромными вспомогательными отрядами, о которых взывал к Западу император. Выставляемые прежде историками обвинения Алексея и греков в вероломстве и обмане по отношению к крестоносцам должны теперь отпасть, особенно после того, как было обращено должное внимание на грабежи, разбои и пожары, учиняемые крестоносцами во время похода. Отпадает также жесткая и антиисторическая характеристика Алексея, данная Гиббоном, который писал: «В стиле менее важном, чем стиль истории, я, может быть, сравнил бы императора Алексея с шакалом, который, как говорят, идет по следам льва и пожирает его объедки»⁹¹. Конечно, Алексей не представлял собой человека, смиренно подбиравшего то, что оставляли ему крестоносцы. Алексей Комнин проявил себя государственным человеком, понявшим, какую грозную опасность несут с собой для существования его империи крестоносцы; поэтому главной мыслью его и было переправить как можно скорее беспокойных и опасных пришельцев в Малую Азию, где они должны были делать то дело, за которым и пришли на Восток, т. е. вести борьбу с неверными. Ввиду этого между пришедшими латинянами и греками сразу создалась атмосфера взаимного недоверия и недоброжелательства; в их лице встретились не только схизматики, но и политические противники, которые впоследствии должны будут решить между собой спор оружием. Один просвещен-

⁸⁸ R. V. Yewdale. Botiemund I, Prince of Antioch. P. 44. Во время пересечения Балканского полуострова Боэмунд постарался подчиниться желаниям, выраженным Алексеем и его представителями (р. 40). Однако далее Иудейл замечает: «Каковы были точные планы Боэмунда, какую точную цель имел он в голове, когда надел крест, за пределами общих и неопределенных планов личного величия, всего этого мы, вероятно, никогда не узнаем» (р. 44).

⁸⁹ Ibid. P. 38.

⁹⁰ Theophylacti archiep. Bulgariae Epistola XL (PG. Vol. CXXXVI. Col. 324–325).

⁹¹ E. Gibbon. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire / Ed. J. B. Bury. Chap. 59.

ный греческий патриот и ученый литератор XIX века Викелае писал: «Для Запада крестовый поход является благородным следствием религиозного чувства; это есть начало возрождения и цивилизации, и европейская знать может ныне по праву гордиться тем, что она – внучка крестоносцев. Но восточные христиане, когда они увидели, как эти варварские орды грабят и разоряют византийские провинции, когда они увидели, что те, кто называл себя защитниками веры, убивали священников под тем предлогом, что последние были схизматики, – восточные христиане забыли, что эти экспедиции имели первоначально религиозную цель и христианский характер». По словам того же автора, «появление крестоносцев знаменует собой начало упадка империи и предвещает ее конец»⁹². Новейший историк Алексея Комнина, француз Шаландон, считает возможным приложить отчасти ко всем крестоносцам характеристику, данную Гиббоном спутникам Петра Амьенского, а именно: «Разбойники, которые следовали за Петром Пустынником, были дикими зверьми, без разума и человечности»⁹³.

Итак, в 1096 году началась эпоха Крестовых походов, столь чреватая многообразными и важными последствиями как для Византии и Востока вообще, так и для Западной Европы.

Первый рассказ о впечатлении, которое произвело на народы Востока начало крестового движения, исходит от арабского историка XII века Ибн ал-Каланиси: «В этом году (490-й год хиджры – от 19 дек. 1096 г. до 8 дек. 1097 г.) начала приходить целая серия сообщений о том, что армии франков появились со стороны моря в Константинополе с силами, которые невозможно сосчитать из-за их множества. Когда эти сообщения стали следовать одно за другим и передаваться из уст в уста повсеместно, людей охватили страх и растерянность»⁹⁴.

После того как крестоносцы постепенно собрались в Константинополе, Алексей Комнин, рассматривая их ополчения как наемные вспомогательные дружины, высказал желание, чтобы он был признан главой похода и чтобы крестоносцы принесли ему вассальную присягу и дали обещание передавать ему, как их сюзерену, завоеванные крестоносцами области на Востоке. Крестоносцы исполнили это желание императора: присяга была принесена и обещание дано. К сожалению, текст вассальной клятвы, которую дали лидеры крестового движения, в подлинном виде не сохранился. По всей вероятности, требования Алексея в отношении различных земель были неодинаковы. Он искал прямых приобретений в тех областях Малой Азии, которые незадолго перед тем были потеряны империей после поражения при Манцикерте (1071 г.) и которые являлись необходимым условием силы и прочного существования Византийского государства и греческой народности. Что же касается Сирии и Палестины, уже давно потерянных Византией, император не выставлял подобных требований, а ограничивался обязательствами верховного ленного господства⁹⁵.

Переправившись в Малую Азию, крестоносцы приступили к военным действиям. В июне 1097 года после осады крестоносцам сдалась Никея, которую они, несмотря на нежелание, должны были в силу заключенного с императором договора передать византийцам. Следующая победа крестоносцев при Дорилее (теперь Эски-Шехир) заставила турок очистить западную часть Малой Азии и отойти внутрь страны, после чего Византии представлялась полная возможность восстановить свою власть на малоазиатском побережье. Несмотря на природные затруднения, климатические условия и сопротивление мусульман, крестоносцы продвинулись далеко на восток и юго-восток. Балдуин Фландрский завладел в Верхней Месопотамии городом Эдессой и образовал из его области свое княжество, явившееся первым латинским владением

⁹² D. Bikelas. *La Grece byzantine et moderne*. Paris, 1893. P. 29; Idem. *Seven Essays on Christian Greece*. London, 1890. P. 35–36.

⁹³ F. Chalandon. *Histoire de la premiere croisade...* P. 159–160.

⁹⁴ *The Damascus Chronicle of the Crusaders*. Extracted and translated from the Chronicle of Ibn al-Qalanisi by H. A. R. Gibb. London, 1932. P. 41.

⁹⁵ R. B. Yewdale. *Bohemund I...* R 44; G. de Jerphanion. *Les inscriptions cappadociennes et l'histoire de l'Empire Grec de Nicee // Orientalia Christiana Periodica*. Vol. I, 1935. P. 244–245.

на Востоке и оплотом христиан против турецких нападений из Азии. Но пример Балдуина имел свою опасную, отрицательную сторону: другие бароны могли последовать его примеру и основать свои княжества, что, конечно, должно было послужить к великому ущербу самой цели похода. Это опасение впоследствии оправдалось.

После долгой изнурительной осады главный город Сирии, прекрасно укрепленная Антиохия, сдалась крестоносцам, после чего дорога к Иерусалиму была свободна. Однако из-за Антиохии разыгралась жестокая распря между вождями, закончившаяся тем, что Боэмунд Тарентский, следуя примеру Балдуина, сделался владетельным антиохийским князем⁹⁶. Ни в Эдессе, ни в Антиохии крестоносцы уже не приносили вассальной присяги Алексею Комнину.

Так как с вождями, основывавшими свои княжества, оставалось и большинство их ополчения, то к Иерусалиму подошли лишь жалкие остатки крестоносцев, в числе 20 000—25 000 человек; пришли они изнуренными и совершенно ослабевшими.

В это самое время Иерусалим перешел от сельджуков в руки сильного египетского халифа из династии Фатимидов. После ожесточенной осады укрепленного Иерусалима крестоносцы 15 июля 1099 года штурмом взяли Святой город, конечную цель их похода, произвели в нем страшное кровопролитие и разграбили его; многие сокровища были увезены вождями; знаменитая мечеть Омара была разграблена. Завоеванная страна, занимавшая узкую береговую полосу в области Сирии и Палестины, получила название Иерусалимского королевства, королем которого был избран Готфрид Бульонский, согласившийся принять титул Защитника Гроба Господня. Устроено новое государство было по западному феодальному образцу.

Крестовый поход, вылившийся в форму образования Иерусалимского королевства и нескольких отдельных латинских княжеств на Востоке, создал сложную политическую обстановку. Византия, довольная ослаблением турок в Малой Азии и возвращением значительной части последней под власть империи, была в то же время встревожена появлением крестоносных княжеств в Антиохии, Эдессе, Триполи, которые стали представлять собой для Византии нового политического врага. Подозрительность империи постепенно усиливается настолько, что Византия в XII веке, открывая враждебные действия против своих прежних союзников – крестоносцев, не останавливается перед заключением союзов с прежними врагами – турками. В свою очередь крестоносцы, обосновавшиеся в своих новых владениях, боясь опасного для себя усиления империи со стороны Малой Азии, точно так же заключают союзы с турками против Византии. В одном этом уже заключается полное вырождение в XII веке самой идеи крестоносных предприятий.

О полном разрыве Алексея Комнина с крестоносцами говорить нельзя. Император, если и был недоволен особенно образованием латинянами вышеупомянутых самостоятельных княжеств, не приносивших Алексею вассальной присяги, тем не менее не отказывал крестоносцам в посильной помощи, например, при перевозке их с Востока домой, на Запад. Разрыв состоялся между императором и Боэмундом Тарентским, который чрезмерно с точки зрения интересов Византии усилился в Антиохии за счет соседей, слабых турецких эмиров, и византийской территории. Антиохия и сделалась главным центром стремлений Алексея, с которым сблизился глава провансальского ополчения Раймунд Тулузский, недовольный своим положением на Востоке и видевший также в Боэмунде своего главного соперника. Судьба Иерусалима для Алексея имела в данный момент интерес второстепенный.

Борьба между императором и Боэмундом была неминуема. Удобный момент для Византии, казалось, настал тогда, когда Боэмунд неожиданно был захвачен в плен турками, а именно эмиром из династии Данишмендов, завоевавших в самом конце XI века Каппадокию и образовавших самостоятельное владение, которое во второй половине XII века, однако, было уни-

⁹⁶ О деталях происходивших событий см.: R.B. Yewdale. Bohemund I... P. 52–84; F. Chaladon. Histoire de la premiere croisade... P. 177–249.

чтожено сельджуками. Переговоры Алексея с эмиром о выдаче ему за известную сумму денег Боэмунда не удались. Выкупленный другими, последний возвратился в Антиохию и на требование императора, ссылавшегося на заключенные с крестоносцами условия, передать ему Антиохию ответил Алексею решительным отказом.

В это время, а именно в 1104 году, мусульмане одержали большую победу над Боэмундом и другими латинскими князьями при Харране, на юг от Эдессы. Это поражение крестоносцев чуть не повлекло за собой разрушения христианских владений в Сирии, но, с другой стороны, окрылило надежды как Алексея, так и мусульман; те и другие с удовольствием взирали на неминуемое ослабление Боэмунда. Действительно, Харранская битва разрушила его планы основать на Востоке сильное норманнское государство; он понял, что у него нет достаточных сил, чтобы снова вступить в борьбу с мусульманами и со своим заклятым врагом, императором Византийским. Дальнейшее пребывание на Востоке уже цели для Боэмунда не имело. Для того чтобы сломить византийскую мощь, надо ей нанести удар в Константинополе с новыми набранными в Европе силами. Ввиду всех этих обстоятельств Боэмунд сел на корабль и направился в Апулию, оставив вместо себя в Антиохии племянника Танкреда. Анна Комнина сообщает любопытный, записанный не без юмора факт о том, как Боэмунд для большей безопасности во время морского путешествия от нападения греков притворился мертвым, был положен в гроб и в гробу совершил свой путь до Италии⁹⁷.

Возвращение Боэмунда в Италию было встречено с большим энтузиазмом. Люди собирались в толпы, чтобы посмотреть на него, как говорит средневековый автор, «словно они собирались увидеть самого Христа»⁹⁸. Собрав войско, Боэмунд начал враждебные действия против Византии. Сам папа благословил намерения Боэмунда. Его экспедиция против Алексея, объясняет американский историк, «перестала быть просто политическим движением. Оно теперь получило одобрение церкви и обрело достоинство крестового похода»⁹⁹.

Войска Боэмунда были, вероятнее всего, набраны во Франции и Италии, однако, по всей вероятности, в его армии были также англичане, немцы и испанцы. План его заключался в повторении кампании его отца, Роберта Гвискара, в 1081 году – то есть взять Диррахий (Дураццо) и затем через Салоники идти на Константинополь. Но поход оказался для Боэмунда неудачным. Он потерпел под Диррахием поражение и вынужден был заключить с Алексеем мир на унижительных для себя условиях. Вот главные пункты договора: Боэмунд объявлял себя ленником Алексея и его сына Иоанна, обязуясь помогать империи против всех ее врагов, будут ли это христиане или мусульмане; обещал передавать Алексею все завоеванные земли, которые раньше принадлежали Византии; что же касается земель, не принадлежавших Византии и которые в будущем могут быть им отняты у турок или армян, Боэмунд должен рассматривать их как земли, уступленные ему императором; своего племянника Танкреда он будет считать за врага, если тот не согласится подчиниться императору; Антиохийский патриарх будет назначаться императором из лиц, принадлежащих к восточной церкви, чтобы не было бы латинского патриарха Антиохийского. Города и области, гарантированные Боэмунду, перечислены в соглашении. Документ завершается торжественной клятвой Боэмунда на кресте, терновом венце, гвоздях и копье Христа в том, что пункты договора будут им соблюдаться¹⁰⁰.

⁹⁷ Анна Комнина. *Алексиада*. XI, 12. С. 318. См. также: F. Chalandon. *Histoire de la premiere croisade...* Vol. I. P. 236, note 6; R.B. Yewdale. *Bohemund I...* P. 102, note 99. Эта легенда нашла распространение на Западе, где в Средние века рассказы о мнимомерших и мнимых похоронах известных лиц не раз встречаются в источниках. См.: В.Г. Васильевский. *Труды*. Т. I. С. 234–235.

⁹⁸ *Historia belli sacri (Tudebodis imitatus et continuatus)* // *Recueil des historiens des croisades* / Ed. D. Bouquet. Vol. III. Paris, 1879. P. 228. См. также: R.B. Yewdale. *Bohemund I...* P. 106.

⁹⁹ R.B. Yewdale. *Bohemund I...* R 108, 115. Эта точка зрения поддерживается также А.К. Креем: А.С. Krey. *A Neglected Passage in the Gesta and Its Bearing on the Literature of the First Crusade* // *The Crusades and Other Historical Essays...* P. 76–77.

¹⁰⁰ Текст этого документа, восходящий к оригиналу, есть в «Алексиаде» Анны Комнины: XIII, 12. С. 367–372. См. также: R.B. Yewdale. *Bohemund I...* pp. 127–129; F. Dölger. *Corpus der griechischen Urkunden*. Bd. II. S. 51–52 (n. 1243). Хорошая

Этим крушением всех планов Боэмунда и заканчивается, собственно говоря, его бурная и, пожалуй, роковая для крестовых походов деятельность. В последние три года жизни он уже никакой роли не играл. Он умер в 1111 году в Апулии.

Смерть Боэмунда затруднила положение Алексея, так как Танкред Антиохийский не соглашался исполнять договор своего дяди и передать Антиохию императору. Для последнего предстояло все начинать снова. Был обсуждаем план похода под Антиохию, не приведенный, однако, в исполнение. Очевидно, у империи в данное время не было возможности предпринять эту нелегкую экспедицию. Делу похода под Антиохию даже не помогла смерть Танкреда, умершего вскоре после Боэмунда. Последние годы правления Алексея были заняты преимущественно почти ежегодными и часто успешными для империи войнами с турками в Малой Азии.

Во внешней жизни империи Алексей выполнил трудную задачу. Очень часто Алексея судили с точки зрения его отношения к крестоносцам, упуская из виду совокупность его внешней деятельности, что является совершенно неправильным. В одном из своих писем современник Алексея архиепископ Болгарский Феофилакт, пользуясь выражением псалма (79; 13), сравнивает Болгарскую фему с виноградной лозой, которую «обрывают все проходящие по пути»¹⁰¹. Это сравнение, по справедливому замечанию французского историка Шаландона, можно приложить к Восточной империи времени Алексея¹⁰². Все его соседи старались использовать слабость империи, чтобы вырвать у него те или другие области. Норманны, печенеги, сельджуки и крестоносцы грозили Византии. Алексей, получивший государство в состоянии слабости и смуты, сумел дать им всем надлежащий отпор и остановил этим на довольно продолжительное время процесс распада Византии. Государственные границы при Алексее как в Европе, так и в Азии расширились. Повсюду враги империи должны были отступить, так что с территориальной стороны его правление знаменует собой безусловный прогресс. Обвинения против Алексея, особенно часто высказываемые раньше, за его отношение к крестоносцам должны отпасть, раз мы взглянем на Алексея как на государя, отстаивавшего интересы своего государства, для которых западные пришельцы, охваченные жаждой грабительства и добычи, представляли серьезную опасность. Таким образом, в области внешней политики Алексей, успешно преодолев все трудности, улучшил международное положение государства, расширил его границы и на некоторое время остановил успехи напавших со всех сторон на империю врагов.

библиография.

¹⁰¹ Theophylacti archiep. Bulgariae Epistola XVI (PG. Vol CXXVI. Col. 529).

¹⁰² F. Chalandon. Histoire de la premiere croisade. Vol. I. P. 321–322.

Внешняя политика при Иоанне II. Расширение контактов с западными странами

Сын и наследник Алексея Иоанн II представлял собой тип императора-воина, проведшего большую часть своего правления среди войск и военных предприятий. Чего-нибудь нового в области внешней политики этот император не ввел; он являлся, главным образом, продолжателем политики отца, который наметил уже все важные вопросы, европейские и азиатские, наиболее интересовавшие империю. Иоанн задался целью пойти дальше по уготовленному отцом политическому пути; отец остановил нападавших на Византию врагов; сын задумал «отнять у соседей захваченные от греков провинции и мечтал о восстановлении Византийской империи в ее прежнем блеске»¹⁰³.

Отчетливо понимая положение вещей, Иоанн мало интересовался европейскими делами. Как мы увидим ниже, он должен был временами вести борьбу и в Европе, но там его войны имели ярко выраженный оборонительный характер. Лишь к концу правления благодаря грозному усилению норманнов, выразившемуся в соединении Южной Италии с Сицилией и образовании Сицилийского королевства, европейские дела стали представлять для Византии очень большую важность. Главный же интерес внешней политики Иоанна был сосредоточен на Востоке, а именно в Малой Азии. В отношениях Иоанна к Западу, игравших в общем второстепенную роль во внешней политике империи в его время, можно отметить все увеличивавшееся сравнительно с прошлым количество западноевропейских государств, с которыми Византии приходилось вступать в те или другие сношения.

Опасность со стороны норманнов заставила Алексея сблизиться с Венецией, обязавшейся помогать Византии флотом, и даровать за это Республике святого Марка исключительные по выгоде торговые привилегии. Нахлынувшие в империю, особенно в Константинополь, венецианцы богатели и вскоре составили в столице венецианскую колонию, столь многочисленную и столь разбогатевшую, что она стала иметь преобладающее значение. Мало-помалу венецианцы, забыв, что они были не у себя на родине и не в покоренной стране, стали вести себя настолько вызывающе и гордо по отношению не только к низшим классам населения империи, но и к высокопоставленным и знатным византийцам, что вызвали сильное неудовольствие в стране. Небольшие торговые привилегии, данные Алексеем Пизе, не могли тревожить Венецию.

Пока жив был Алексей, отношения между византийцами и венецианцами еще не принимали особенно острых форм. Но с его смертью обстоятельства изменились. Иоанн II, зная, что в норманнской Апулии происходили смуты, и рассчитывая поэтому на то, что норманнская опасность для Византии миновала, решил уничтожить торговый договор отца с Венецией. Рассерженные венецианцы отправили тогда свой флот, который стал нападать на византийские острова Адриатического и Эгейского морей. Видя невозможность оказать надлежащее сопротивление венецианским кораблям, Иоанн вынужден был еще в первые годы своего правления вступить с Венецией в переговоры, которые и привели к полному восстановлению торгового договора 1082 года. Другие итальянские приморские города, Пиза и Генуя, также пользовались при Иоанне некоторыми торговыми привилегиями, ничего общего, конечно, по размерам не имевшими с привилегиями Венеции.

В первые же годы царствования Иоанна был окончательно решен печенежский вопрос. Разгромленные при помощи половцев при Алексее Комнине печенеги в течение тридцати лет не тревожили византийских пределов. В начале правления Иоанна оправившиеся пече-

¹⁰³ Idem. Les Comnène. Etudes sur l'Empire Byzantin au XIe et au XIIe siècle. II. Jean II Comnène et Manuel I Comnène. Paris, 1912. P. 10.

неги, перейдя Дунай, вторглись на византийскую территорию. Однако императорские войска нанесли им тяжкое поражение. В память этой победы Иоанн установил даже особый «печенежский праздник», который, по свидетельству византийского историка Никиты Хониата, совершался еще в конце XII века¹⁰⁴. Со времени поражения печенегов Иоанном последние уже более не играют никакой роли во внешней истории Византии. Лишь внутри государства взятые в плен и поселенные в пределах империи печенеги составили особый род византийского войска, который и принимал участие в военных действиях уже на стороне Византии.

Стремление Венгрии (Угрии) к Адриатическому побережью вызвало, как известно, недовольство Алексея Комнина и обострило его отношения с мадьярами. Брак Иоанна с мадьярской принцессой, казалось, должен был улучшить отношения. Но эта связь, по словам русского историка К. Грота, «не могла уничтожить тех чувств взаимного недоверия и соперничества, которые успели образоваться с течением времени у обоих соседних государств»¹⁰⁵. Помимо опасного для Византии утверждения мадьяр на Далматинском побережье империя была недовольна и сближением Угрии с сербами. Последние, вынужденные вместе с болгарами подчиниться Византии в начале XI века, при Василии II Болгаробойце, уже в середине этого столетия начали поднимать восстания. Конец XI и начало XII века являются для Сербии временем их первого освобождения из-под византийского владычества. При Иоанне замечается особенное сближение Угрии с Сербией, которой первая склонна была помочь в деле ее освобождения. Сербская княжна была выдана замуж за мадьярского Арпадовича. На северо-западе, таким образом, к концу правления Иоанна образовалась новая тревожная для Византии сила в виде сблизившихся Угрии и Сербии.

Военные экспедиции Иоанна против них были весьма успешны, но не имели ясного (definite) результата. Анонимный панегирист Иоанна, однако, восхваляет его военные успехи на Балканах в следующих напыщенных словах: «Сколь славны ваши военные походы против европейских народов. Он [Иоанн] разбил далматинцев, внушил ужас скифам и норманнам, всем народам, живущим в палатках и неорганизованным. Он окрасил Дунай, так же как и многие быстро текущие реки, кровью»¹⁰⁶.

В последние десять лет правления Иоанна совершенно изменились отношения с Южной Италией, где после некоторого периода смуты настала новая эпоха силы и могущества. Рожер II соединил в своих руках Сицилию и Южную Италию, и в первый день Рождества 1130 года в торжественной обстановке был венчан в Палермо королевской короной. Благодаря такому соединению земель Рожер II сразу сделался одним из самых могущественных государей Европы. Для Византии это было страшным ударом. Император теоретически еще сохранял притязания на южноитальянские земли и занятие их норманнами считал лишь временным. Возвращение Италии являлось для императоров XII века излюбленной мечтой. Принятие Рожером королевского титула казалось оскорблением императорскому достоинству; признание же этого титула знаменовало бы отречение византийского басилевса от всяких прав на итальянские провинции.

Но внезапное усиление Рожера было нежелательно не только для Византии, но и для германского государя, имевшего в качестве императора Римского важные интересы в Италии. Ввиду общей опасности между Иоанном II и германским государем Лотарем II Саксонским, а после смерти последнего Конрадом III Швабским (Гогенштауфеном) произошло соглашение, вылившееся несколько позднее в форму настоящего союза двух империй, имевшего главной целью сломить норманнское могущество в Италии. Но этот союз двух империй показал

¹⁰⁴ Nicetas Choniates. Historia. Bonn ed. R 23.

¹⁰⁵ К. Грот. Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава, 1889. С. 26–27.

¹⁰⁶ Fontes rerum byzantinorum / Ed. W. Regel. Vol. II, fasc. 2. Пг., 1917. Р. 334. До последнего времени никто не использовал этот источник. В число скифов и норманнов панегирист включил печенегов и другие северные народы, нападавшие на Византию.

себя главным образом уже при преемнике Иоанна, Мануиле I. Если Иоанну не удалось нанести удара могуществу Рожера, то он по крайней мере успел воспрепятствовать ему напасть на Византию. А что такой план был у сицилийского короля, это доказали несколько позднее войны Рожера с Мануилом. Как видно, наиболее важными моментами внешней политики Иоанна на Западе являются его отношение к образованию Сицилийского королевства и создание союза двух империй.

Отношение Иоанна к Востоку

В Малой Азии Иоанн совершал почти ежегодные и большей частью успешные для византийского оружия походы, так что в тридцатых годах XII века смог вернуть империи ее давно уже утерянные территории. После этого Иоанн считал силы турок настолько надломленными, что решил, не нарушая интересов государства, прервать военные действия против них и предпринять новую, более отдаленную, кампанию на юго-восток против армянской Киликии и крепостного Антиохийского княжества.

Киликийская Армения, или Малая Армения, была основана в конце XI века беженцами из собственно Армении, которые покинули свою страну перед продвижением турок. Среди прочих знатных фамилий фамилия Рупенов (Рубенов) начинает играть главную роль в управлении новой страной. Малая Армения, расширившая свои пределы, между прочим, за счет Византии, вступила в союзные отношения с латинскими князьями на Востоке, выказав этим свое враждебное отношение к империи. Иоанн Комнин тогда выступил в поход, желая наказать восставшую Малую Армению и вместе с тем решить вопрос об Антиохийском княжестве, которое, как известно, еще в эпоху Первого похода не принесло императору вассальной присяги и позднее не подчинилось ему вопреки договору Алексея Комнина с Боэмундом.

Поход Иоанна увенчался полным успехом. Киликия была покорена, и армянский князь со своими сыновьями отправлен в Константинополь. Увеличенная присоединением Малой Армении византийская территория достигла границ Антиохийского княжества. В борьбе с последним Иоанн также достиг полного успеха. Осажденная Антиохия должна была просить у него мира, который и был дарован Иоанном на условии признания антиохийским князем сюзеренитета империи. Князь получил из рук императора инвеституру на уступаемые земли, а в знак взятия Антиохии Иоанном на антиохийской цитадели был поднят императорский штандарт. Через год император, вернувшись в Антиохию, совершил в качестве сюзерена торжественный въезд в город, окруженный сыновьями, придворными и многочисленными воинами. Триумфальное шествие двигалось по разукрашенным улицам. Рядом с императором, в качестве как бы его оруженосца, ехал антиохийский князь. Встреченный у городских ворот патриархом во главе с его клиром, Иоанн, среди огромной толпы, при пении гимнов и псалмов, при звуках музыки, проехал сначала в собор, а затем во дворец¹⁰⁷.

Панегрист пишет: «[Антиохия], принимает тебя как человека, любящего Христа, как борца [за дело] Господа, как страстного борца с варварами, как того, кто несет меч Элии. Она вытирает твой пот и нежно обнимает. Все множество жителей города вышло на улицы, все возрасты и оба пола представлены в твоей блистательной процессии. Тебе предоставлен большой триумф... Смешиваются крики и на многих языках: здесь итальянцы, здесь ассирийцы. Здесь полководцы, здесь офицеры, и среди них ты блестишь как самая яркая звезда»¹⁰⁸.

Планы императора шли дальше. Судя по некоторым указаниям источников, он мечтал о восстановлении византийского владычества в долине Евфрата и, кажется, хотел вмешаться

¹⁰⁷ Willermus Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. XV, 3 (Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Vol. I). Paris, 1869. P. 658–659.

¹⁰⁸ W. Regel. Fontes rerum byzantinorum. Vol. II, fasc. 2. P. 358–359.

в дела Иерусалимского королевства¹⁰⁹; может быть, в представлении Иоанна подобное вмешательство основывалось на возможности признания иерусалимским королем императорского сюзеренитета, как это было в Антиохии. Об этих планах панегирист пишет: «Мужайтесь! О вы, что любите Христа, и вы, паломники и странники на земле благодаря Христу» (ср.: к Евр. 11:13). «Не бойтесь более убийственных рук. Император, который любит Христа, надел на них цепи и в крошки разбил их неправедный меч. Ты им показал дорогу к земному и видимому Иерусалиму, и ты открыл для себя другую дорогу, более божественную и широкую, дорогу к небесному и святому Иерусалиму»¹¹⁰.

Однако этим планам не суждено было сбыться. Во время похода против турок, на охоте в горах Киликии, Иоанн ранил себя в руку отравленной стрелой, вследствие чего и умер в 1143 году вдали от столицы, успев перед смертью назначить наследником своего младшего сына Мануила. С его смертью латинские владетели на Востоке избавились от грозившей им опасности. Посвятив все свое царствование войне против врагов империи, Иоанн передал в руки наследника государство еще более сильным и обширным, чем то, которое он сам получил от своего энергичного и талантливой отца. Панегирист Иоанна, считая его выше Александра Македонского и Ганнибала, восклицает: «Крепок был кельтский дуб, но ты вырвал его с корнями. Киликийский кедр поднялся, а ты, перед нами, его поднял и обратил в пыль»¹¹¹.

¹⁰⁹ Ioannis Cinnamitis Historia. Bonn ed. P. 25; Nicetas Choniates. Historia. Bonn ed. P. 56; Willermus Tyrensis Historia, XV, 21 (Recueil des historiens... Vol. I. P. 691).

¹¹⁰ W. Regel. Fontes... Vol. II, fasc. 2. P. 338, 339.

¹¹¹ Idem. Fontes... Vol. II, fasc. 2. P. 336, 346, 347, 353. Я думаю, что кельтским дубом панегирист назвал Антиохийское французское княжество.

Внешняя политика Мануила I и Второй крестовый поход

Взаимоотношения с турками

Если Иоанн обращал во внешней политике главное внимание на Восток, то преемник его Мануил, особенно благодаря нормандским отношениям и своим личным симпатиям к Западу, был вовлечен главным образом в западную политику, что для империи имело печальные последствия. Сельджукская опасность, не находившая в лице Мануила надлежащего отпора, снова стала грозой на восточной границе.

Византийская граница в Малой Азии подвергалась обычным опустошительным набегам мусульман, разорявших, истреблявших и изгонявших христианское население. Мануилу нужно было обеспечить спокойствие в пограничных областях, для чего он построил или восстановил целый ряд укрепленных центров, преимущественно на тех путях, по которым неприятель большей частью производил свои нападения. Нельзя сказать, однако, чтобы военные действия Мануила против турок были удачны. Вступив в первые годы своего правления в союз с мусульманскими эмирами Каппадокии, уже упомянутыми выше Данишмендами, Мануил имел своим врагом в Малой Азии одного иконийского, или румского, султана, с которым и начал войну. Императорские войска успешно дошли до главного города султаната, Икония (Конии); но, узнав, вероятно, о полученных султаном подкреплениях, они только разграбили городские предместья и отступили, причем на обратном пути потерпели сильное поражение от сельджуков, чуть не повлекшее за собой настоящей катастрофы для отступавшего войска. Однако известие о крестовом походе, который являлся угрозой как для императора, так и для султана, заставило обоих врагов искать мира, который и был заключен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.